

Раньше он верил в справедливость.
Теперь - в возмездие.

*ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ*

КОММЕРСАНТ

Андрей Воронин

ФИЛЛИН

Настоящий детектив

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

Филин

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Аâ=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Филин / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-3110-0

На страницах этой книги вы снова встретитесь с киллером-одиночкой Абзацем, которому удалось бежать из-под стражи во время следственного эксперимента. Он продолжает бороться с подонками своим, только ему понятным способом, полагая, что так он избавит мир от грязи, зла и несправедливости...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Аâ=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3110-0

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Воронин

Филин

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Серебров открыл глаза. В лучах ярких ламп они вспыхнули как два драгоценных камня. Мужчина улыбнулся. Он увидел себя сразу в четырех зеркалах – три из них сияли отраженным светом над парикмахерским столиком, а четвертое замерло в руках мастера-стилиста, красивой, аппетитной, как любят выражаться мужчины, женщины.

– Ну как, Сергей Владимирович? – мягким, певучим голосом осведомилась мастер, немного повернув зеркало. – Может быть, еще немного снять на затылке, самую малость?

– Нет, Валентина, спасибо. По-моему, и так неплохо. Мужчину нельзя кардинально изменить при помощи прически.

Женщина самодовольно улыбнулась. Получить похвалу от такого клиента, причем небрежную, а потому искреннюю, было непросто. Мужчина был прекрасно пострижен, волосы лежали волосок к волоску.

– Знаете, чего еще не хватает?

Женщина обошла кресло и оказалась лицом к лицу с клиентом:

– Чего же?

– Совершенство всегда искусственно, – несколько манерно и выпендренно сказал Серебров. Его руки выглянули из-под покрывала, и тонкие пальцы прикоснулись к волосам, немного разрушая прическу, но в то же время придавая ей естественный вид.

– Вот так, по-моему, лучше.

Серебров взглянул на свои руки так, как смотрит пианист или карточный шулер. Он дважды резко выбросил пальцы вперед, тонкие, чуткие, крепкие. Дорогие часы на запястье сверкнули.

– Ногти надо привести в порядок, – произнес он, взглянув на Валентину.

– Да-да, сейчас, Тамара уже ждет.

Через несколько секунд появилась девушка лет двадцати шести – двадцати восьми. Она катила перед собой столик с маникюрными принадлежностями и улыбалась Сергею Владимировичу так мило, как улыбается обладатель двадцати российских рублей человеку, которому он с прошлого года задолжал тысячу долларов.

– Все хорошеешь, Тома, – улыбнулся в ответ Серебров улыбкой человека, для которого тысяча долларов – сумма, недостойная упоминания.

– Стараюсь, Сергей Владимирович. Что ж мне остается, бедной женщине? Никто замуж не берет.

– Плохо стараешься, – ответил Серебров, положив руки на край столика.

Полчаса маникюра Тамара возилась с пальцами Сергея Владимировича, аккуратно обрезая заусеницы и обрабатывая ногти, красивые, крупные, розовые, как у ребенка.

Когда все процедуры были закончены, вновь появилась Валентина. Сергей Серебров легко поднялся с кресла, правая рука исчезла во внутреннем кармане дорогого льняного пиджака и появилась на свет уже с бумажником темно-коричневой кожи, по краям которого поблескивали золотые уголки. Две купюры легли на столик, одна поверх другой. Женщины заискивающе улыбались.

– Надеюсь, этого хватит? – немного извиняющимся тоном произнес Серебров, но по его глазам стало ясно – больше он не даст.

– Что вы, Сергей Владимирович, – быстро затараторила Тамара, – конечно, хватит! Вы у нас самый желанный клиент.

– Я понимаю, – Серебров сделал строгое лицо, – будь ваша воля, дорогие, вы бы меня стригли и маникюршили в день по три раза. Но, к сожалению, волосы и ногти растут не так быстро, как этого хотелось бы тем, кто работает в парикмахерских. – Серебров развел руками. –

Вот поэтому я и не такой частый гость в вашем прекрасном заведении. До встречи, – мужчина поправил белый воротничок рубашки, взглянул на часы и мгновенно переменялся в лице. Бесшабашность и умиротворенность исчезли, в глазах появилась строгость, и Серебров в одно мгновение стал занятым, деловым, очень важным и много кому нужным человеком. – До встречи, – уже строже бросил он, обращаясь к женщинам, и под их восхищенными взглядами покинул один из самых дорогих салонов в городе.

Сегодня Сергей Владимирович мог себе позволить траты. В день, когда ты должен получить деньги, легко с ними расстаться.

Он уже находился далеко от салона, но мог представить в лицах разговор между женщинами. В чем в чем, а в женской психологии мужчина разобрался превосходно.

– Валя, – заглядывая в глаза стилистке, спросит маникюрша, – как ты думаешь, кто он такой – Сергей Владимирович? Уже целый год ходит к нам в салон, а мы не можем понять, где и кем он работает.

– Какая разница! – скажет Валентина, поправляя под форменным халатом бретельку лифчика. – Такие мужчины раз в сто лет рождаются. Помани он меня пальцем, намекни, я бы за ним как собака побежала.

Тамара цокнет языком, посмотрит на подругу, участливо покачает головой:

– Я тоже.

Затем женщины разделят деньги. Сергей Владимирович всегда платил за услуги щедро, оставляя чаевых столько же, сколько причиталось и за работу.

Серебров шел по Тверской, немного щурясь от яркого солнца. Темные очки не доставал, они лежали во внутреннем кармане дорогого пиджака. То, что пиджак дорогой, от Кардена, в глаза бросалось не сразу, но било в подсознание, надолго застревая в нем, вызывая подспудное уважение к обладателю этой вещи. Такими же были и стильные часы, которые никак нельзя было назвать «котлами».

Одет Сергей Серебров был с иголки. Во всем чувствовалась вкус и мера. Носить одежду мужчина умел, будто сразу родился в белой рубашке с золотыми запонками, в стильном пиджаке не в тон брюкам и в элегантных мягких туфлях. Он передвигался легко, перемещался в пространстве, летел, никого не задевая, оставляя после себя лишь терпкий аромат дорогого одеколona и ощущение силы – свежей, нерастраченной. Он был похож на птицу, словившую широко раскинутыми крыльями восходящий поток воздуха и замершую в пронзительной синеве на недоступной другим высоте.

Уже издалека завидев Сереброва, прохожие уступали дорогу. Он широкой спиной ощущал восхищенные взгляды женщин и завистливые – мужчин. Он изредка ловил свое отражение в витринах дорогих магазинов, словно сравнивал себя с разодетыми в пух и прах манекенами. Он был лучше, бесспорно лучше, он был живым, полным грации и обаяния.

Серебров приостановился, совсем небоязливо передернул плечами, затем медленно повернул голову и посмотрел на дорогу. В крайнем правом ряду уже притормаживала, медленно подруливая к тротуару, черная «Ауди» с тонированными стеклами. Машина для столицы не очень и приметная, не бросающаяся в глаза ни дороговизной, ни дешевизной. Единственной отличительной чертой был скромный пропуск, укрепленный в нижнем углу лобового стекла. Таким документом обладали немногие счастливчики: езжай куда хочешь, паркуйся где понравится, и никакой сотрудник дорожной инспекции тебе не указ. Если водитель подобного автомобиля даже и нарушит правило, инспектор постарается не заметить этого. Кому хочется связываться с «сильными мира сего», себе же будет дороже!

Когда черная «Ауди» поравнялась с Серебровым, дважды негромко пискнул клаксон. Так попискивает электронный будильник, уважающий своего владельца. Мужчина, бросив два коротких взгляда, один себе за спину, другой вперед, легко вскочил на заднее сиденье. Дверца закрылась бесшумно, так закрывается дорогой холодильник – мягкий, всасывающий

звук, похожий на хлопок влажных детских ладоней, – шпок, и все. И человек оказался отрезанным от внешнего мира, а дверца словно приросла к кузову.

Когда Серебров оказался в машине, автомобиль сорвался с места и мгновенно оказался в третьем ряду, первым перед светофором. В салоне, на заднем сиденье, сидел мужчина в сером костюме и белой рубашке, с суховатым и неприветливым лицом. Так, если верить гравюрам, выглядели иезуиты, но никак не рядовые монахи, а те, кто ведал тайнами – отцы ордена.

Мужчина протянул сухую узкую холеную ладонь и как можно более приветливо улыбнулся. Его серые глаза при этом оставались абсолютно бесстрастными.

– Ну, привет! – сказал мужчина, высвобождая ладонь и придирчиво осматривая ее, словно Серебров мог ее повредить.

– Привет от старых штиблет, – широко улыбнувшись, ответил гость. Он закинул ногу за ногу, благо, салон был большой, удобный и располагал к отдыху. – Хорошо у тебя тут, только люстры хрустальной не хватает!

– Не люблю яркого света, – не сразу сообразил, что ответить, хозяин машины.

– Надо бы повесить. Едешь... На дороге выбоина, подвески звенят, убаюкивают, в сон клонит.

– Ты не дури голову, – сказал мужчина, – и не рассказывай мне басни, а говори конкретно.

– Что говорить, – хлопнул по колену ладонью Серебров, – ты скажи, что именно хочешь услышать?

Мужчина занервничал. Еще года два тому назад его лицо можно было часто видеть на экране телевизора. Он находился в ближнем кругу к президенту государства. Теперь же на экранах телевизора он не появлялся, исчез, словно его там и не было. Ушел тихо, без скандала, не написав о президенте ничего плохого – никаких мемуаров, никаких разоблачительных статей, не дал ни одного интервью. Но, как понимал Серебров, его знакомый ушел от президента недалеко, на каких-то пару шагов, лишь бы исчезнуть из рамки телевизионного кадра, а незримо он там присутствует. И те, кто знал Геннадия Павловича в свое время, прекрасно чувствовали его руку во многих делах, которые вершила кремлевская администрация, да и сам президент.

Серебров иногда даже узнавал некоторые фразы, явно принадлежавшие Геннадию Павловичу, хотя фразы слетали с уст президента, который перед самой отставкой стал невероятно похож на куклу из популярной программы.

– А ты, – спросил Геннадий Павлович, – услышать от меня что-нибудь хочешь?

– Я знаю, что ты можешь сказать, – щелкнув пальцами, ответил Серебров. – Но хочу не услышать, а ощутить в руке.

– Сейчас ощутишь, – Геннадий Павлович поверил в то, что его просьбу, поручение или заказ, называя как хочешь, Серебров уже выполнил.

Он опустил левую руку, и у него на коленях появился элегантный дипломат с кодовым замком. Указательным пальцем Геннадий Павлович трижды повернул колесико, затем отщелкнул замки и отбросил крышку. Дипломат был почти пуст, лишь в дальнем углу сиротливо лежала пачка стодолларовых банкнот толщиной в две сигаретные пачки. Банкноты стягивали непривычные русскому человеку аптечные резинки, их облегал банковские упаковки – каждую пачку своя, а затем все четыре пачки вместе скрепляла прозрачная лента скотч.

Брикет оказался в левой руке Геннадия Павловича. Он взвесил его на ладони и небрежно, привычно передал Сереброву. Тот тоже взвесил деньги.

– Надеюсь, пересчитывать не станешь?

– Нет, не буду, пальцы боюсь в кровь стереть. Видишь, ногти час назад привел в порядок. Да и не люблю я деньги считать ни когда получаю, ни когда трачу. Больше их от этого не становится. Это все? – спросил Серебров.

– Все, – спокойно ответил Геннадий Павлович, – на большее мы и не договаривались.

- А текущие расходы ты, Геннадий Павлович, оплатить забыл? Есть вопрос.
- Какой еще вопрос? – насторожился бывший советник президента.
- А вопрос выглядит вот как...

Двумя пальцами из нагрудного кармана за тонкую ниточку Серебров вытянул ярлык, похожий на брелок. Помахал им перед носом Геннадия Павловича, словно пакетиком чая, извлеченным из стакана.

Бывший советник отпрянул, словно испугался коричневых капелек, которые закапают его идеально отутюженные брюки.

- Не дергайся.

Геннадий Павлович надел очки, все-таки годы, проведенные за компьютером и чтением-писанием всевозможных бумаг, свое дело сделали, и Геннадий Павлович стал слаб глазами. То, что находилось далеко, он видел прекрасно, а вот то, что мельтешило перед глазами, распознавал с большим трудом. Шрифт же на ярлыке ювелирного изделия был мелким, маленькими были и нули – три нуля, перед которыми стояла четко отпечатанная двойка.

- Что это?

– Не прикидывайся, – сказал Серебров как можно более благодушно. – Колечко, ювелирное изделие с изумрудом.

- Зачем... колечко? – поморщился Геннадий Павлович.

– Не колечко, а красота потребовалась. Написано же, в каком магазине куплено, что за фирма произвела на свет эту неопишемую красоту. Вот видишь, – Серебров щелкнул отполированным ногтем по твердой картонке, – название фирмы – «Картье». Это тебе не шухры-мухры, не евреи с Дерибасовской skleпали, не на Привозе куплено и не у нас на Блошином рынке или на Тверской. Вещь из Парижа.

- Кому ты его на палец надел?

– Это компенсация, Геннадий Павлович. Согласись, тяжело потерять дорогого человека. Или ты никогда не любил или тебя не любили? – принялся пространно рассуждать Серебров.

- Две тысячи, говоришь?

– Конечно, лежали на витрине вещицы и подешевле, но зачем мелочиться? Человек хороший, на такого не жаль и потратиться.

- Хорошо тебе чужие деньги по ветру пускать!

- Ну, тоже скажешь...

- Договорились, оставим дискуссию, две так две. Пора приходиться к консенсусу.

- Вот-вот, – подтвердил Серебров, – и я думаю, что пора.

Из кармана Геннадия Павловича вынырнуло портмоне, и двадцать банкнот легли на ладонь Сереброву.

– В следующий раз можно не впадать в такие траты. Деньги у меня, ты же понимаешь, вещь подотчетная, не для себя стараюсь.

- Вот и подложишь чек, все как положено.

Произошел обмен – две тысячи долларов за маленькую картонку с золотым тиснением и строчкой цифр. Вещь, в общем-то, эффектная, но совершенно бесполезная, кольцо то с изумрудом отсутствовало.

Обычно люди избегают говорить о самом главном, предпочитая словам конкретику и красноречивые взгляды. Серебров небрежно сунул руку во внутренний карман пиджака, будто только сейчас вспомнил, что еще что-то должен Геннадию Павловичу, и вытащил листок бумаги с помятыми углами. Было такое впечатление, что этот листок с неделю провалялся в кармане вместе с ключами, авторучкой, носовым платком, зажигалкой и сохранился лишь чудом – по ошибке. Бумага была в клеточку, края уже изрядно потерлись.

- На, – сказал Серебров важно и с достоинством, – а то ты уже от нетерпения посинел.

Листок спикировал в подставленные ладони Геннадия Павловича, как просфорка в рот верующего. Геннадий Павлович заморгал и дрожащими пальцами развернул листок, на котором значились лишь фамилии, одна дата, отчеркнутая фломастером, и двенадцатизначный номер, под которым неумелой рукой были выведены печатные латинские буквы – название банка.

– Ты уверен? – с дрожью в голосе поинтересовался Геннадий Павлович, вглядываясь в записи.

– Фирма гарантирует. То, что здесь написано, – правда. Через восемь дней сам сможешь убедиться.

– Спасибо, – сказал Геннадий Павлович, аккуратно и бережно по тем же швам складывая листок и пряча его в дипломат. – Тебя куда-нибудь подкинуть, – уже с просветлевшим лицом произнес бывший советник президента, – или сам доберешься?

– Могу и сам, но в твоей машине приятнее путешествовать, ее везде пропускают.

– Куда тебе надо?

– По городу хочу с часок поездить, с ветерком и с цыганами.

– Пошел ты! Тебе бы все шутить, а у меня дел невпроворот.

– Хочешь побыстрее к начальству явиться с докладом, листок на хозяйский стол положить?

– У меня нет начальства, – честно признался Геннадий Павлович, – я сам себе начальник. Кстати, как и ты. Я вольный стрелок, ты тоже вольный стрелок, поэтому нам с тобой легко и все у нас получается. Кстати, совсем забыл... – лицо Геннадия Павловича опять сделалось напряженным, уголки губ опустились, как у клоуна-трагика, – вот еще, забыл...

– Так уж и забыл! – принимая бумажку, улыбнулся Серебров и тут же ее развернул. На бумажке чернели три фамилии и три адреса с телефонами и факсами.

– Фамилии какие-то знакомые.

– Не знакомые, а известные. Надо, чтобы ты к этим уродам подобрался поближе. Дело для тебя привычное, всех троих следует вывести из игры, прежде чем придет время раздачи призов. Будет плохо, если они прорвутся к власти.

– Кому плохо?

– Мне будет плохо, а значит, и тебе, денег не получишь. Постарайся как можно скорее, времени до выборов осталось с месяц. Я знаю, что они мерзавцы, и они про это знают. Но фактов на руках нет никаких, и серьезного компромата накопать не успели. Если сделать утку и вбросить ее в прессу, на телевидение, они заявят, что все это инсинуации, происки конкурентов, предвыборная борьба. Надо сделать так, чтобы они ушли сами без шума и пыли.

– Зачем ты мне про их несовершенные подвиги рассказываешь, Геннадий Павлович? Ты же знаешь, компроматом я заниматься не буду. У меня свои методы, поэтому ты со мной и работаешь. Бомбы я не подкладываю, на курок не нажимаю, в подъездах с молотком не прячусь, колготки на голову не надеваю, во всяком случае себе, действую преимущественно лаской, любовью да добрым словом. И всегда по согласию. Ты же, наверное, помнишь, чего добились друг детства Костя Остенбакен от Ирины Заёнец?

Геннадий Павлович хмыкнул:

– Кажется – любви.

– Не только – взаимности.

– Не учи меня литературе.

– Хорошую книжку никогда не грех почитать, она плохому не научит. Ты когда последний раз книжку открывал?

Геннадий Павлович задумался:

– Давненько.

– А я и вчера читал перед сном.

- Что же ты читал? – заглядывая в глаза Сереброву, осведомился Геннадий Павлович.
- Отгадай с трех раз.
- Даже не стану пытаться, хотя я, в общем-то, человек проницательный.
- Напрягись, напрягись, Геннадий Павлович, какую книжку мог читать господин Серебров перед сном?
- Пушкина, что ли?
- Холодно, – сказал Серебров.
- Что-нибудь научно-популярное?
- Уже теплее.
- Мемуары Казановы?
- Не отгадал. Я читал «Камасутру».
- Я думал, ею занимаются, а не читают, – подколот Геннадий Павлович.
- Практику время от времени следует подкреплять теорией, а теорию – практикой. «Суха теория, мой друг, а древо жизни зеленеет», – процитировал Гете Серебров.
- От тебя это я слышу уже в пятый раз.
- Советую, Геннадий Павлович, не докладные читать и не доносы, состряпанные идиотами, а книги серьезные. «Камасутра», я убежден, к ним относится.
- Куда уж серьезнее!

За все время разговора Геннадия Павловича и Сереброва водитель в темных очках на орлином носу ни разу даже не повернул голову. Он смотрел только вперед, даже в зеркальце заднего вида ни разу не взглянул.

- Что задумали твои три героя? Освободившееся место в Думе не такой большой приз, чтобы ты из-за него начинал игру.
- Скворцов и Нестеров решили выдвинуть в кандидаты генерала Кабанова.
- Одно депутатское место в Думе обычно мало что решает. Я прошу тебя сказать, в чем прикол их избирательной кампании, если ею уж заинтересовалась теневая кремлевская администрация.

Геннадий Павлович тяжело вздохнул:

- Ты хорошо помнишь бывшего депутата Скворцова?
- Видел его в телевизоре.
- Демократия иногда может сыграть злую шутку. В Думе две основные фракции – правительственная и коммунисты. Но ни одна из них не имеет большинства. Вот и получилось, что небольшая независимая фракция приобрела необычайный вес, к кому они присоединялись при голосовании, те и выигрывали. Деньги на подкуп полились к ним рекой. Все решал только один депутатский мандат. Не будь его у независимых, с кем бы они ни объединялись, большинства в Думе не получилось бы.
- Помню, – улыбнулся Серебров, – вы изящно решили проблему. Выдернули из фракции Скворцова, предложив ему портфель министра, он и купился на него. А через пару месяцев его с треском сняли с должности. В России появился еще один политический бомж с сотовым телефоном в кармане. А фракция независимых потеряла свой решающий голос.
- Теперь начинаются довыборы в Думу, – произнес Геннадий Павлович, – фракция решила повторить успех. Самому Скворцову дорога туда уже заказана, он скомпрометировал себя. Но бывший министр быстро вспомнил о друзьях детства: о бизнесмене Нестерове, на чьи деньги будет проведена кампания, и о генерале Кабанове. Генерал имеет неплохие шансы попасть в Думу, и неприятности у Кремля начнутся снова.
- Насколько мне известно, Кабанов хоть и дурак, но относительно честный человек.
- Во-первых, честный дурак может наделать вреда больше, чем умный мерзавец. Во-вторых, честность – понятие относительное. Каждый человек имеет предел прочности, когда его испытывают деньгами. Один готов за сто долларов убить родную мать. Другой сломается,

если предложить ему тысячу. Есть люди, которые забывают о морали, начиная с цифры в сто тысяч. Генерал Кабанов до последнего времени не видел больших денег, просто ему никто их не предлагал. Вот и вся природа его честности. Теперь же ситуация изменилась, его с легкостью купит Нестеров, и генерал будет делать то, что ему скажут. Ты должен остановить процесс.

– Если ты платишь – не вопрос. Но вернемся к «Камасутре». Советую прочитать тебе раздел «Любовные укусы и удары». Ты кусаешь любовниц?

– Остановись где-нибудь, – сказал Геннадий Павлович водителю, – этот тип мне надоел. Он взялся учить меня «Камасутре».

– Если злишься, значит, не кусаешь. Делом твоим я займусь, но сперва завершу уже начатое. Уходить надо так же красиво, как и пришел.

Машина резко вырулила к тротуару, проскочив светофор первой, и замерла с работающим двигателем. Серебров выбрался из салона. Автомобиль тут же сорвался с места и скользнул в поток, сверкнув напоследок тонированным стеклом.

Серебров еще раз взглянул на бумажку, прикрыл глаза, пошевелил губами, беззвучно произнося фамилии по памяти, и бросил на бумагу прощальный взгляд. А затем методично разорвал ее на мелкие кусочки, настолько мелкие, что на каждом из них вместились не более одной буковки, и, вальяжно шагая, как сеятель, разбрасывающий зерна, распылил мелкие белые клочки над асфальтовым полем. Бумажки тут же подхватил ветер, и они безвозвратно исчезли, как исчезает опостылевший за зиму снег под лучами весеннего солнца.

Пачка денег оттягивала карман. Серебров сунул руку в правый карман, уравновесив пиджак. Он прошел еще метров двести по одной из центральных улиц, затем сел в такси, назвал адрес. Закурил в салоне и откинулся на спинку сиденья. На его лице читалось удовлетворение, как у всякого профессионала, безукоризненно и в срок закончившего работу. Такое выражение бывает у хирургов после сложнейшей операции, когда уже становится ясно, что пациент спасен, и спасен исключительно благодаря умению и мастерству медиков.

Глава 2

В одиночку можно совершить многое – закрыть грудью амбразуру дота, направить пылающий самолет на колонну вражеской техники. Но в деликатных и тонких делах лучше действовать вдвоем. Есть слова, которые даже с глазу на глаз не скажешь, их должен передать кто-то другой. Они должны быть произнесены вкрадчивым шепотом, с грустной дрожью в голосе, по секрету: «Только смотрите не говорите, что я вам это сказал. Договорились? Обещаете?» И часть работы сделана, причем очень важная часть.

Такой помощник у Сереброва имелся. Стороннему наблюдателю они казались абсолютными противоположностями. Если Серебров был высокий, статный, то его приятель Герман Богатырев – маленький неуклюжий толстяк, но по-своему симпатичный. Он был вечно чем-то озабочен, решал пустяковые задачи, придавая им невероятную важность. Оторвется, например, у него пуговица в пиджаке – для Германа это трагедия и занятие на целый день. Он примется бегать, искать иголку, обсуждать достоинства разных ниток, шнырять до самого закрытия по всевозможным магазинам, подбирая нужную пуговицу. И естественно, кончалось все это тем, что он пришивал ее ржавой иглой единственной нашедшейся дома ниткой. То же случалось и с каблуками, и с авторучкой, и с компьютерной мышкой. Все Богатыреву было не так, во всем он умудрялся найти изъян.

Эта черта характера Германа Богатырева сместила Сереброва донельзя. Он, глядя на приятеля-толстяка, буквально падал, заходясь от хохота, на диван и, качая головой, прикрывая рот ладонью и вытирая слезы, говорил:

– Герман, угомонись, не занимайся чушью. Купи новый пиджак, купи новые носки, купи авторучку. Не ищи ты для нее чернила, не меняй в ней перо, выброси.

Но Герман не унимался. И тогда Серебров брал авторучку, разламывал ее на глазах у Германа и бросал в мусорное ведро. Богатырев чуть не рыдал, лишившись привычной вещи, но слезы мгновенно испарялись с его излишне выпуклых глаз, с припухших век и выгоревших ресниц: Серебров великодушно, королевским жестом извлекал из кармана собственный дорогой «Паркер» или вечную зажигалку и дарил приятелю.

– Если тебе, Герман, нужны носки, возьми в шкафу, там их целый воз, все новые, нераспечатанные. Выбери любые – черные, коричневые, только не дури мне голову, не создавай проблемы там, где их нет.

– Понял, Сергей, – растопырив пальцы, словно ладони упирались в невидимое стекло, Герман пятился к шкафу.

И тут же начиналась новая трагедия: попробуй выбери из дюжины одни! Герман взвешивал носки на руках, тер пальцами, разве что на зуб не пробовал. Мял ткань, вызывая зубной скрежет у Сереброва, а затем выбирал самые неподходящие по цвету к брюкам и туфлям. Напяливал и тут же осматривался по сторонам, выискивая себе новую проблему.

Сегодня у Германа Богатырева, сорокапятилетнего мужчины, серьезных проблем пока еще не возникло, если не считать неожиданно кончившейся зубной пасты. Взять новый тюбик у Германа рука не поднималась, он надеялся выдавить из старого еще одну порцию. За зубами Герман Богатырев следил отчаянно. У него в карманах водились зубочистки, ниточки, палочки, бутылочки с эликсиром. Он расхаживал по квартире в полосатом узбекском шелковом халате, мокрую после душа голову прикрывала тюбетейка.

Он улыбнулся, когда увидел Сергея:

– Ну, как прошла встреча?

– Как всегда, – сказал Серебров, вытаскивая из кармана брикет денег и бросая им в Германа. Тот на лету, ловко, как спаниель сухарик, поймал деньги и принялся шуршать купюрами. Зажмурившись, протрещал ногтем по углам пачки и самодовольно хмыкнул:

– Получилось. А ты боялся.

– Это ты боялся, что не получится. Есть и новый заказ.

– Какой?

– Денежный. Но о нем в следующий раз, теперь же займемся финалом прежнего заказа.

Мой уход обставим красиво.

Герман посмотрел на будильник. Рассвирепел, схватил будильник и принялся его трясти, словно копилку, из которой пытался вытрясти последнюю монету, последний гривенник.

– Чтоб ты сдох! Не работает! Когда хочет – звенит, когда хочет – останавливается.

– Тогда выкинь.

– Ну да, выкинь... Вещь еще хорошая.

– Будильник должен звенеть вовремя, – назидательно произнес Серебров, опускаясь на диван и забрасывая ноги на журнальный столик.

– Выкинь! Легко тебе говорить, он денег стоит. «Сейко» все-таки, а не «Маяк» или «Заря».

– Выкинь, я сказал, – поддельно свирепея, пробурчал Сергей, хотя в душе забавлялся жадностью своего друга.

– Нет уж, я его занесу в мастерскую, прослежу, чтобы отремонтировали прямо у меня на глазах. А то они такие, эти часовщики, – шестеренку какую-нибудь выкрутят и вставят старую, батарейку использованную всунут. У меня на глазах они ничего такого не сделают.

Вдруг будильник оглушительно зазвенел. Испуганный Герман Богатырев разжал пальцы. Будильник мгновение провисел в воздухе, затем грохнулся на пол, развалился на три куска. При этом он продолжал звенеть.

Серебров зашелся от хохота, а Герман смотрел на испорченную вещь, уже прикидывая в уме, как при помощи аптечных резинок и скотча можно собрать обломки в одно целое.

Серебров легко вскочил с дивана и опустил подошву ботинка на останки часов. Звон стих, его заменили скрежет металла и хруст стекла.

– Теперь – все. Бери метлу и совок.

– Да, теперь уж точно – все. Восстановлению не подлежит, – упавшим голосом, словно потерял лучшего друга, отозвался Герман.

Он с грустью, по-женски ловко смел останки будильника на совок и торжественно, как гробик с любимой птичкой, понес в мусорное ведро. Когда вернулся в гостиную, то застал Сереброва со стаканом виски в руке. Ботинки, отделившись от хозяина, стояли возле дивана.

– Ты договорился? – делая глоток, спросил Серебров. – Может, выпьешь немного?

– Яс утра не пью. Понимаешь, если с утра выпью, у меня желудок начинает работать плохо, кислоту вырабатывает в неограниченных количествах, и кислотность ничем невозможно снять. Я бы тебе, Сергей, не советовал пить с утра виски.

– Во-первых, Герман, для кого еще утро, а для меня – день, во-вторых, меня от спиртного не пучит. Я делаю лишь то, что мне нравится, и плевать, полезно это или вредно, хорошо или плохо, нравственно или безобразно. Ты договорился? – повторно прозвучал вопрос.

– Да, конечно, – Герман опять уперся ладонями в невидимое стекло.

– Как она восприняла известие?

Герман скроил страдальческое выражение на круглом лице, всплеснул руками:

– Как тебе, Сергей, не стыдно? Как тебя совесть не мучит? Я бы за такой женщиной на край земли в товарном вагоне поехал!

– Ты договоришься, Герман, – закидывая ногу за ногу, промолвил Сергей, – что действительно отправишься в товарном вагоне на дикий север, туда, где куропатки в снегу купаются, только на окнах вагона будут решетки, а в коридоре твой покой будут оберегать конвоиры.

– Упаси, Боже! – лицо Германа Богатырева сделалось страдальческим, и показалось, слезы вот-вот брызнут из его чересчур выпуклых глаз. Но слезы не брызнули, выражение лица

мгновенно изменилось. На губах, пухлых и влажных, появилась сладкая улыбка. – Какая женщина! От одного ее голоса можно...

– Что?

– Можно кончить, – грубовато и простодушно сказал Герман.

– Вот и занимайся с ней сексом по телефону. Номер у тебя есть. Думаю, тебе, как моему ближайшему другу, она не откажет.

– Да уж, тяжелую миссию ты возложил на мои хрупкие плечи, очень тяжелую.

– Надеюсь, ты не согнешься? – отшутился Сергей Серебров, делая еще один маленький глоток виски и закуривая сигарету, извлеченную из узкого серебряного портсигара. Затем он защелкнул портсигар и опять взглянул на часы. – Мне кажется, ты слишком увлекся, дорогой друг, и тебе пора собираться. По скончавшемуся от старости будильнику ты тоскуешь больше, чем я по любимой женщине.

– Да-да, я сейчас, через десять минут буду в форме.

И действительно, через десять минут Богатырев возник на пороге спальни. На нем был строгий черный костюм, темно-серая рубашка и черный шелковый галстук.

– Да, вид у тебя, как у коммивояжера похоронной конторы...

– Ну а чего ты хотел, случай такой, – отреагировал на реплику Сереброва Герман, – сам понимаешь, появлюсь в легкомысленном прикиде – мне она не поверит. Да и по таким случаям, ты же знаешь, шелковую рубашку с коротким рукавом и с ярко-зелеными пальмами на желтом фоне никто не надевает.

– Почему? – улыбнулся Сергей. – В шортах и кроссовках ты тоже выглядишь убедительно.

– Пошел к черту! – пробурчал Герман, любуясь своим отражением в зеркале стенного шкафа. – Вот только ботинки начищу и вперед.

– Меня уже ничто не испортит. Не откажу себе в удовольствии понаблюдать издалека.

Стакан с недопитым виски остался на столе, в пепельницу легла недокуренная сигарета. Она медленно тлела, голубоватая струйка дыма замысловато, как женский локон, вилась над ней.

Мужчины покинули квартиру одновременно. Сергей сел в джип «Тойоту» серого цвета, а Герман Богатырев – в черную «Волгу», сверкающую вымытым кузовом, бамперами и никелированными колпаками.

– Я тебе позвоню, – захлопывая дверцу, бросил Серебров, а затем повернул ключ в замке зажигания.

Два автомобиля друг за другом выехали со двора, на перекрестке они разъехались, направившись в противоположные стороны.

* * *

Через сорок пять минут Герман Богатырев остановил машину у бетонного забора напротив железных ворот, над которыми красовалась витиеватая надпись: «Памятники. Надгробия. Кресты – быстро и качественно». Он вышел из машины с портфелем, таким же черным и блестящим, как «Волга», деловитым шагом направился во двор мастерских. Там он свернул к одноэтажному, похожему на барак длинному зданию с решетками на окнах.

Герман Богатырев по доскам, которые вибрировали под его тяжеловатым и тучным телом, пробрался к двери мастерской. Старик, сидевший за поломанным столом, заморгал, увидев Германа, а затем приветливо закивал. Германа Богатырева он запомнил.

– Там, там Михалыч, – неопределенно махнул рукой старик и принялся поглаживать седые бакенбарды, пышные, как и усы под крючковатым носом.

Старик уже выпил с утра стакан вина и пребывал в благодушном настроении. Но поговорить было не с кем, поэтому он то разворачивал, то свертывал вчерашнюю газету. Читать не хотелось, душа требовала общения.

– Погодите, любезный, – крикнул он вслед Герману.

Тот даже не замедлил своего шага, толкнул ногой дверь и вошел в мастерскую. Михалыч в фартуке и в серой кепке, повернутой козырьком к спине, прилаживал к гранитной плите медальон. Он делал это старательно, словно пытался угодить своему близкому родственнику.

Герман подошел к мастеру:

– Ну, как дела?

Огляделся по сторонам, ища то, что предназначалось лично ему. В багажнике черной «Волги» уже лежали живые цветы, несколько венков с надписями, тарелочка и граненая рюмка.

Наконец Михалыч закончил привинчивать медальон, рукавом халата протер фаянсовый овал и подмигнул немолодому мужчине, изображенному на медальоне, подмигнул так, как старому знакомому.

– Вот теперь порядок, – он вытер ладонь о ладонь и с приветливой улыбкой обернулся к Герману Богатыреву. – Все как договаривались, чики-чики, Михалыч свое слово держит.

– Хочу взглянуть, – сказал Герман.

– Это пожалуйста, это конечно, всегда можно.

Михалыч двинулся по узкому, похожему на мелкий окоп проходу из гранитных плит в дальний угол мастерской. Затем остановился и поманил указательным пальцем Германа. Тот двигался осторожно, боясь испачкать черный костюм и черный портфель в каменную пыль.

Наконец все-таки добрался, протиснулся узкой траншеей к небольшой площадке. Прямо на полу лежала гранитная плита с эмалевым медальоном. С медальона на Германа Богатырева смотрел широко улыбающийся Сергей Серебров. От фотографии друга Германа Богатырева даже бросило в дрожь. Он поставил к ногам портфель, прижал указательный палец к пухлым губам, потер ладонями виски.

– Что с ним случилось? Как его угораздило? – участливо осведомился Михалыч.

– Трагический случай.

– Я так и понял. Ведь молодой, здоровый мужик, такие бабам ох как нравятся!

– Да, нравятся, – согласился Герман, – но жизнь есть жизнь, – его голос звучал трагически, как голос диктора, сообщающий народу весть о кончине главы государства.

На гранитной плите, кроме медальона, была короткая надпись: «Серебров Сергей Владимирович. 1956–1998». Между датами золотилось, поблескивало длинное тире.

– Вот так, – прокомментировал дело своих рук Михалыч, – жизнь человека умещается в черточку, – он ногтем указательного пальца поскреб по тире и скроил грустную, подобающую моменту мину.

– Ладно, Михалыч, спасибо за работу. Только вот глаза у него какие-то...

– Что? – переспросил мастер.

– Глаза, говорю, у него какие-то... грустные.

– А чего же веселым быть? – взялся рассуждать Михалыч. – Его уже с нами нет.

– Это как сказать, – отвечивал Герман.

– Оно, конечно... оно понятно, он в памяти, он в сердцах друзей и родственников, но уже не сможет ни выпить, ни закурить, бабу обнять не сможет... – о выпивке, курении и бабах Михалыч говорил очень жалостливо, и Герману показалось, что из глаз старика вот-вот покажутся скупые мужские слезы.

Но мастер плакать не стал. Он повернулся к заказчику и показал тому широкие мозолистые ладони.

– Пора и окончательный расчет произвести, а?

– Да-да, сейчас, – дрогнувшим голосом произнес Герман.

Он поднял портфель, открыл его, заглянул вовнутрь и вытащил две стодолларовые банкноты.

– Надеюсь, этого за работу хватит?

– Как раз, – улыбнулся Михалыч, бережно принимая деньги и теребя их в пальцах. Деньги хрустели, и этот хруст был для ушей Михалыча слаще любых слов, самых нежных и ласковых, слаще, чем смех ребенка. Деньги он спрятал в задний карман брюк и долго возился, пытаясь заскорузлыми, грубыми пальцами застегнуть маленькую пуговицу. – Забирать когда будете?

Герман взглянул на часы:

– Прямо сейчас, наверное, и заберу, – он заспешил к выходу.

Старик его остановил у выхода, заглянул в глаза:

– Ну как, довольны? Михалыч свое дело знает, любую работу на пять с плюсом выполнит.

Ни сучка ни задоринки, как говорится, комар носа не подточит.

– Доволен, доволен, – буркнул Герман, торопясь к железным воротам, за которыми уже стоял микроавтобус и топтались три здоровых небритых мужика.

Лишь только они завидели Германа, на их лицах появились улыбки. Герман не стал здороваться с мужчинами за руку, он их осмотрел, потом полюбовался автомобилем – помятым, проржавевшим микроавтобусом.

– На этой таратайке везти собрались?

– Доведем, доведем, не волнуйтесь! – сказал тот, кому принадлежал «Фольксваген».

– Тогда, братцы, вперед. Пойдемте, покажу.

Мужчины втроем вынесли надгробную плиту из мастерской, загнали во двор микроавтобус, бережно погрузили ее. Грузили так, словно это был гроб с покойником. А затем автобус и черная «Волга» поехали прочь от железных ворот, бетонного забора и витиеватой надписи: «Памятники. Надгробия. Кресты – быстро и качественно».

* * *

Ровно в шесть часов вечера Герман Богатырев уже вернулся в Москву. Его щеки пылали румянцем, глаза задорно блестели, редкие волосы были растрепаны, как у каждого горожанина, в кои-то веки побывавшего за городом и надышавшегося свежим воздухом. На толстых подошвах черных ботинок кое-где виднелись комочки земли, а в шнурке правого застряла сухая сосновая иголка.

Герман взглянул на обувь, и тут же лицо его стало напряженным. Он взял кусок салфетки, плюнул на нее, тщательно протер вначале левый, затем правый башмак. Выдернул иголку из-под шнурка, помял ее в пальцах, превратив в клубочек, брезгливо оттолкнул его от себя, как отбрасывают жвачку, боясь, что она приклеится к ногтю. В половине седьмого его «Волга» уже стояла за перекрестком напротив булочной.

Марина Измайлова появилась неожиданно. Она шла понуриив голову, в руках несла цветы – восемь пунцовых роз на длинных стеблях. Сегодня она даже не накрасилась, под глазами темнели круги, губы кривились, на них виднелись следы покусов. Женщина была в строгом черном костюме, голову прикрывала маленькая аккуратная шляпка. Для полноты картины не хватало вуали. На глазах у Марины траурно поблескивали узкие темные очки.

Она торопливо подошла к машине, взглянула на номер и не успела тронуть дверцу, как в своем черном отутюженном костюме, в черном шелковом траурном галстук перед ней возник Герман Богатырев.

– Здравствуйте, Марина! Язык не поворачивается сказать «добрый вечер». Это я вам звонил.

– Я поняла, – глухо ответила женщина. – На всей улице только мы двое в черном.

Герман покосился на черную «Волгу», которую после езды по бездорожью он загнал на мойку, и теперь та блестела, как полированный гроб в витрине ритуального магазина. Он открыл женщине заднюю дверцу, но та покачала головой.

– Вы не будете против, если я сяду рядом с вами?

– Нет, что вы, Марина, конечно.

Герман принял цветы, и в руках у женщины остался лишь комочек носового платка. Герман Богатырев бережно положил цветы на заднее сиденье «Волги», так просил его друг, сел за руль. Затем почему-то перекрестился, хотя Серебров его об этом и не просил. Это была чистая самодеятельность, он уже и сам начинал верить в то, что происходит.

Женщину это движение тронуло до глубины души. Она всхлипнула и принялась сморкаться.

– Терпеть не могу похорон, – сказал Герман, покосившись на точеный профиль Измайловой. Она была невероятно красива, и у Германа в голове опять шевельнулась мысль: «Ну и идиот же Серебров, такую бабу бросает!»

На глаза ему уже наворачивались слезы.

– Извините, Марина, я немного волнуюсь, – у Богатырева появился в руках большой клетчатый носовой платок.

Он приложил его вначале к одному глазу, затем к другому. Вытер ладони, вспотевшие от волнения, поежился, вжимаясь в сиденье, и сказал:

– Поехали!

Слово «поехали» прозвучало скорбно, будто Богатырев давал отмашку траурному кортежу и оркестру лабухов с начищенной медью в руках, выучившихся играть наизусть, без нот, одну лишь мелодию – похоронный марш Шопена. Черная «Волга» медленно и печально покатилась по улице, в сторону кольцевой.

– Что-то мне дурно, – сказала Марина.

И Герман тут же затормозил. В его руках появился аптечный стаканчик и бутылочка с валерьянкой. Еще несколько бутылочек лежали в ящике рядом с атласом автомобильных дорог. Женщина глотнула валерьянки, в салоне запахло приторно и сладко, коты от такого запаха начали бы облизываться и урчать. Облизнулась и женщина, чем-то похожая на кошку. А Герман Богатырев лишь сглотнул слюну и тронул автомобиль с места.

Минут через тридцать они съехали с трассы на гравейку, а затем автомобиль запыллил серой пылью, похожей на прах. С неухоженной гравейки машина свернула на совсем уж запущенный проселок. Замелькали телеграфные столбы с провисшими проводами и с черными ласточками, потянулись березовые рощи, поля с картофелем.

– Скоро приедем? – уже придя в себя, спросила женщина.

– Да-да, скоро. Это было его желание, – словно продолжая давным-давно начатый разговор, произнес Герман. – Он сам попросил, чтобы хоронили безо всяких почестей, чтобы все было по-простому. Он никогда не любил торжеств, не любил принимать награды.

– Да-да, я это знаю, – пробормотала Марина.

Кладбище находилось на краю березовой рощи – старое, полузаброшенное деревенское кладбище с покосившимися крестами, бедными памятниками. От поля кладбище отделял неглубокий, заросший бурьяном и колючками ров. Над ним лежали три свежеструганые доски.

И Герман подумал, естественно не произнеся мысль вслух: «Хорошо, что местные мужики еще не успели доски спереть. А доски хорошие, их можно приспособить хоть куда – и для забора сгодятся, и крышу на даче подлатать».

Поддерживая под локоть женщину, Герман повел ее к неглубокому рву, по доскам помог перебраться на кладбище. Чирикали птицы, летали стрекозы, жужжали пчелы и шмели. Вокруг было много живых, пряно пахнущих цветов.

– Где? Где? – озираясь по сторонам, спрашивала Марина.

– Сейчас.

По узкой тропинке, сминая гигантские стебли крапивы, Герман провел женщину между двух старых елей, затем возле серых покосившихся крестов и поросших мхом гранитных памятников. На этом кладбище никого не хоронили уже лет восемь, и люди навевались сюда редко, разве что, может, на Троицу, чтобы помянуть родственников, выпить водки, поговорить за жизнь и немного поправить заброшенные могилы.

Ярким пятном у куста сирени, огромного, как дерево, выделялась свежая могила с венками и живыми цветами.

– Вот, – коротко сказал Герман.

Марина высвободила локоть, прижала ладонь к лицу и разрыдалась. Ее плечи вздрагивали. Герман отошел на несколько шагов, остановился за спиной женщины и принялся любоваться ее фигурой, скользя взглядом от ног к шляпке.

«Какая женщина! Какая женщина!» – произносил он одну и ту же фразу. Его пухлые губы складывались в короткий хоботок, словно он собирался броситься на Измайлову и присосаться к ее шее.

Марина положила розы на светлый холмик, встретилась взглядом с фаянсовым медальоном, и из-под темных очков по бледным щекам потекли слезы, неподдельные, настоящие, горькие.

Когда Марина обернулась к Герману, он сделал плотательное движение, словно его душил спазм, словно из горла хотели вырваться рыдания. Лицо Богатырева было бледным, губы кривились, дергались, глаза полуприкрыты. Руки он держал перед собой, прижав ладонь к ладони.

Рядом с рюмкой на тарелочке чернел огарок восковой свечи. Герман покопался в кармане пиджака, вытащил зажигалку и присел на корточки. Долго возился, пытаясь зажечь огарок.

– Герман, скажите, как все это произошло? Почему такая несправедливость, почему смерть забирает самых лучших, самых дорогих? Почему смерть забирает настоящих мужчин?

– Это несправедливо, Марина, – сказал Герман. – Сергей Владимирович был настоящим человеком, он умирал у меня на руках. В последние секунды я был с ним. И знаете, Марина, он вспоминал вас.

– Да? Вспоминал? – прошептала женщина.

– По-моему, даже последним словом, которое слетело с его уст, было ваше имя. И да, вот, еще... простите, Марина, простите меня, бессердечного, за похороны, за всей этой беготней, сутолокой, суетой я совсем забыл... Простите меня, бессердечного, я даже по телефону забыл вам об этом сказать... – говоря это, Герман принялся ощупывать все имеющиеся у него карманы.

Наконец он замер, ощутив под ладонью твердый параллелепипед коробочки, извлек ее на свет – черную, бархатную, похожую на гробик. Повернулся так, чтобы луч закатного солнца попал вовнутрь, и лишь затем бережно толстыми пальцами открыл крышку. В коробочке на красном бархате сиял изумруд, вставленный в белое золото.

– Вот, – на дрожащей ладони Герман протянул коробочку с кольцом Марине, – это Сергей просил передать вам, это было его последней просьбой.

Марина такими же дрожащими пальцами приняла бесценный дар. Бесценный, потому что – последний.

А Герман быстро врал дальше, проглатывая слова и слоги:

– Он был такой, понимаете... это не его дело было лезть туда, за это другие отвечали, Марина, другие. Но он такой человек, за все чувствовал ответственность... У летчика, у испытателя, двое детей и больная жена... Сергей об этом знал и первым бросился к пылающей машине... спас летчика. Представляете, Марина, спас! И этот человек будет жить, будет летать, а вот Сергея Владимировича нет. Множественные ожоги, врачи ничего не могли сделать. Он

умер в сознании, я находился рядом с ним. Он носил подарок с собой всегда, никак не мог решиться отдать кольцо вам. И в тот злополучный день он носил его у самого сердца.

И тут Герман замолчал, испугавшись, что его сейчас могут спросить, почему бархатная коробочка словно только-только из магазина, почему на ней нет следов горения? Но взволнованной женщине, слушающей трогательную историю, замороженной сиянием камня, даже не могло прийти в голову задать такой кощунственный вопрос лучшему другу покойного. Ведь сам покойный уже стал для нее святым.

– Он жаловался мне на свою работу. И в последний раз его прямо вырвали из моих объятий дурацким звонком. Он сказал, что у него срочная командировка, но добавил, что скоро вернется. А уж потом, через три дня, позвонили вы, – и женщина вновь зарыдала, ее лицо из красивого вмиг стало безобразным. Темные очки упали в траву.

Подняв очки, Герман принялся поправлять цветы и черную ленточку с серебряными буквами одного из скромных венков. На все это смотрел, широко улыбаясь с фаянсового медальона, Сергей Владимирович Серебров.

Но если женщина и Герман видели лишь фаянсового Сереброва, то настоящий, живой Серебров, такой же улыбчивый, добрый и радушный, уже битый час наблюдал за деревенским кладбищем из близкой березовой рощи, которую от погоста отделяло картофельное поле. Он стоял, прислонившись плечом к старой толстой березе, и прижимал к глазам тяжелый армейский бинокль. Он видел даже сверкание зеленого камня в бархатной коробочке, видел, как вспыхивает заходящее солнце в слезах на лице женщины, как некрасиво кривятся губы Марины Измайловой, скорбящей по нем – безвременно погибшем. Но когда он переводил бинокль на Германа, то не мог удержаться от смеха. Смех буквально душил его. Он видел несоответствие между мыслями и действиями друга, но в то же время восхищался талантливой игрой.

«Я-то его раскусить могу, а она, дура, нет, никогда не раскусит».

Серебров, как любой мастер своего дела, ценил чужую игру.

«Талант может быть или от большого ума, или от глупости, – думал Серебров, поглядывая в бинокль. – Лишь бы не пережал. Не суетись, Герман! Ну какого черта ты взялся за цветы? Они положены здесь навечно. Ты еще возьми стебли пополам ломать, чтобы бомжи не украли. Подумай, откуда здесь могут взяться бомжи, на деревенском кладбище?»

Серебров угадал. Герман уже взялся было за один цветок, уже готовился переломить толстый стебель, но Измайлова остановила его:

– Не надо. Я долго выбирала его, Сергею всегда нравились пунцовые розы. Он дарил мне только их... – и тут же Измайлова прижала ладонь к губам, понимая, что не имеет права откровенничать с Германом.

Платочек развернулся, и женщина принялась промокать им лицо. Она уже пришла в себя, делала это бережно – так, словно снимала косметическую маску.

– Я понимаю, что он занимался чем-то секретным и не имел права мне рассказывать об этом. Но вы-то теперь можете мне сказать, кем он был на самом деле?

Герман огляделся по сторонам, словно кто-то мог их подслушать, затем важно выпятил грудь и отрицательно качнул головой:

– Нет, я не могу этого сказать.

– Почему?

– Он бы мне не простил.

И когда женщина понурила голову, Герман смилостивился над ней:

– Единственное, что я вам могу сказать, так это то, что он был далеко не последним человеком в России, и замену ему найти будет невозможно.

– Я буду молиться за него, ставить в церкви свечи.

Глава 3

Бывший советник президента Геннадий Павлович редко когда ошибался. Ему доставляли информацию трижды проверенную, точную, хоть клади на чашку аптечных весов. Ясное дело, что не всю, а только ту, которую удавалось раздобыть. А заговорщики между тем умели хранить секреты. И если он посчитал, что трое не последних в этом государстве людей – военный, бизнесмен и бывший депутат – затеяли собственную игру, не посоветовавшись с администрацией президента, значит, так оно и случилось.

Геннадий Павлович мог не знать деталей, мог не видеть краев мишени, концентрических кругов, разбегающихся от яблочка, но цепко фиксировал взгляд на центре. А когда видишь центр, остальное неважно. Главное тогда, чтобы оружие в руках оказалось пристрелянным, чтобы глаз не туманила слеза, чтобы палец на спусковом крючке не дрожал, а сердце сильно не стучало.

Задержи дыхание, сосчитай до трех, совмести мушку с прорезью в прицеле и плавно нажми на курок.

Серебров, как считал Геннадий Павлович, был именно таким оружием – точным, верным, безотказным, до безобразия надежным, а главное, обладающим большой убойной силой – так пишется в технических характеристиках.

Любой человек, решивший ввязаться в большую политическую игру, тут же превращается в мишень, в жертву. За ним принимаются охотиться журналисты, недоброжелатели, конкуренты. С первого взгляда кажется, не позавидуешь ему, но спроси у него – кто-нибудь тащил его за уши в Государственную Думу, во власть? Сам пожелал себе такой доли, значит, и жалеть его нечего.

Александр Валерьевич Скворцов, бывший депутат Государственной Думы, выбрался из дому рано, несмотря на то что был выходной день. Соседи, видевшие в окно, как он и жена садились в автомобиль, могли подумать, будто супруги собрались по грибы, спешат, пока все мало-мальски съедобное в лесу не собрали другие грибники. Не волновался бы бывший депутат, бывший министр Александр Скворцов, если бы ехал в лес по грибы – гори они синим пламенем! Захочешь поесть – отправляй жену на базар и без всяких проблем получи ведро свеженьких, только что из лесу отборных боровиков.

За пару лет заседаний в Госдуме и работы в правительстве Скворцов предостаточно обжегся, доверяя тем, кто, наверное, по недоразумению называл себя его друзьями, и Александр Валерьевич, как человек умный, посчитал за лучшее от друзей избавиться окончательно. Нет друга – некому и предавать.

Для своих тридцати семи лет жена его Раиса выглядела еще ох как соблазнительно, разве что кожа рук выдавала ее возраст. Лишь в последние десять лет у нее появилась автоматическая стиральная машина, машина для мытья посуды, а до этого ей все приходилось делать своими руками.

Да, единственное, что может безошибочно подсказать возраст женщины, – это ее руки. Сколько ни мажь их восстанавливающими кремами, сколько ни колдуй, делая маникюр, истончившейся, похожей на пергамент коже уже не вернешь прежнюю красоту.

Скворцов уселся за руль, жена – рядом. Женщина попыталась улыбнуться ласково и нежно, но фальшь сквозила в ее взгляде. Скворцова это ничуть не обидело. Как человек трезво мыслящий, он понимал, что невозможно быть жестким в отношениях со всем остальным миром, но ласковым с женой и с детьми. Человек – существо цельное; если тебе удастся кого-то любить, а всех остальных ненавидеть, значит, началась настоящая шизофрения, раздвоение личности. Бывший депутат умел рассуждать справедливо.

– Саша, – проговорила женщина, – мне не хочется ехать сегодня за город.

– Я, по-моему, у тебя и не спрашивал, хочется или нет, – абсолютно спокойно отвечал ей Скворцов. – Надо ехать.

– Кому надо? – уточнила жена.

– Нам.

– Ты каждый раз повторяешь это слово – «надо».

Женщина, привыкшая сама водить машину, инстинктивно посмотрела вправо, когда автомобиль выезжал на улицу. Этот еле заметный поворот головы не ускользнул от глаз внимательного ко всему, что касалось его самого, Скворцова.

«Не доверяет, дура! – подумал он. – Будто что-нибудь могло измениться, заметь она грузовик, несущийся на полной скорости. Педали-то под моей ногой!»

– Не беспокойся, – сказал он, – я машину веду аккуратно, ведь в ней сидишь ты.

Жена улыбнулась, понимая фальшь этих слов.

– Мы уже давно не встречались с друзьями.

– С друзьями? – переспросил Скворцов. – Кого ты имеешь в виду?

И тут Раиса поняла, что и назвать-то некого. Оставалась пара человек, тех, кого они знали еще по учебе в университете, а поругаться с ними не успели по одной простой причине – слишком редко виделись, можно сказать, даже не виделись по-настоящему после того, как Скворцов ударился в политику.

Дорога, по которой часто едешь, кажется короче незнакомой. Раиса сумела помолчать лишь до выезда на кольцевую автодорогу:

– С чего это к нам зачастили Кабанов с Нестеровым? – не выдержав, поинтересовалась она.

– Они тебе не нравятся? – вопросом на вопрос ответил муж. – Не хуже и не лучше других.

– Они тебе нужны?

– Да, это очень нужные люди.

– Мне не нравятся их жены, особенно Станислава Нестерова.

«Еще бы! – подумал Скворцов о жене бизнесмена Нестерова. – Десять лет разницы в возрасте – веская причина для ненависти».

– Она мила, – сказал Скворцов.

– Красива, хорошо сложена, – в тон ему отвечала жена. – Уж не знаю, на какой панели подобрал ее Виктор Николаевич, но с уверенностью могу сказать, выходила замуж она не за него, а за его деньги.

– Значит, Станислава не только красивая, но и умная женщина, – расхохотался Скворцов.

Раиса обиженно поджала губы. Раз муж назвал Станиславу умной, то, значит, ее саму он считает дурой. Сработала безотказная женская логика.

– Ты поменьше им доверяй, – посоветовала Раиса. – Помнишь, как ты радовался, когда близко сошелся с советником президента – с Геннадием Николаевичем? Он же потом тебя и пробросил.

– За одного битого двух небитых дают. Теперь я поумнел.

– Ой ли?

С шоссе машина свернула на узкую асфальтированную дорогу. Казалось, даже воздух над ней был чище, чем над трассой. Аккуратные пологие откосы, густо засеянные газонной травой, столбики и знаки содержались в идеальном порядке. Казалось, даже краска не успела на них просохнуть.

За поворотом блеснула излуцина реки и разноцветные крыши загородных домов. Раньше Раиса любила приезжать сюда; тогда их дом, третьим по счету возведенный в поселке, сразу бросался в глаза и казался ей сказочным дворцом: синяя металлочерепица, белые дюралевые панели облицовки стен, тарелка спутниковой антенны на крыше. Теперь же поселок насчитывал сорок пять домов, и недвижимость Скворцова затерялась среди них.

В общем-то, просторный дом – десять на двенадцать метров, возведенный в трех уровнях, выглядел среди роскошных особняков как бревенчатая банька на задворках усадьбы кулака-миroeда. Редкий дом не имел здесь по две спутниковые антенны – одну телевизионную, другую для Интернет.

Деревья на участке Скворцова были посажены раньше, чем у других, но и они словно задержались в росте, уязвленные соседским великолепием. Асфальтированная дорога упиралась в полосатый шлагбаум. Возле него на пластиковом стуле у распахнутой двери дощатого вагончика восседал охранник.

– Петрович сегодня дежурит, – радостно улыбнулся Скворцов.

Двое других охранников, дежурившие на смену с Петровичем, Скворцову не нравились – молодые мордороты, не желающие зарабатывать на жизнь полезным делом. Петрович же свое место, по мнению Скворцова, заслужил. Отставной полковник, еще моложавый, с зычным голосом, с благообразной сединой.

Петрович все делал не спеша. Он чувствовал расположение к себе Скворцова. Мог бы просто, не говоря ни слова, поднять шлагбаум и пропустить машину со знакомым номером, но следовало уважить человека.

Петрович улыбнулся, вскинул руку и, поднявшись со стула, направился к машине. Скворцов уже сидел, распахнув дверцу, спустив ноги на гладкий, как полированный камень, асфальт.

– Доброе утро, Александр Валерьевич, и доброе утро вашей супруге, – заглядывая в машину, произнес Петрович.

Он еще от вагончика заприметил, что Скворцов приехал не один, но с супругой или с любовницей, сразу не рассмотрел.

Раиса имела манеру менять цвет волос чуть реже, чем фасоны платьев. В прошлый раз Петрович видел рядом со Скворцовым Раису-блондинку, теперь же рядом с ним сидела Раиса-брюнетка. Между двумя этими встречами Скворцов еще трижды появлялся в загородном доме и каждый раз с новой любовницей. Со всеми Петрович был одинаково приветлив и любезен.

– Ко мне сегодня гости приедут, – сообщил Александр Валерьевич, – Кабанов и Нестеров. Ты уж, Петрович, их пропусти без задержки, уважь, будто сразу узнал.

– Как же, знаю их и так, люди видные. Их, почитай, вся Россия теперь знает, как и вас, Александр Валерьевич, – польстил самолюбию бывшего депутата Петрович. – Я в своем вагончике вроде как у телевизора сижу, одни знаменитости мимо меня ездят. То актеры, то политики, то предприниматели. В центре мировых событий вращаюсь, если можно так выразиться, – выпренно сообщил Петрович. – Вот раньше, когда я на ракетной точке служил... – Петрович перехватил раздраженный взгляд Раисы и тут же спохватился: – Вы в такую рань не затем выбирались, чтобы мои бредни слушать, – отставной полковник бросился к шлагбауму, и полосатая доска взлетела вверх.

– Счастливо, Петрович, – бросил Скворцов в открытое окно машины, проезжая мимо привратника.

То, что Петрович раньше служил полковником, придавало всем его ужимкам солидность, хотя, в общем-то, охранником он был никудышным. Двое его сменщиков, молодые, крепко сбитые парни, могли бы постоять и за себя, и за чужую собственность, которую охраняли. Петрович же, общительный и подобоострастный, отличался трусостью. Лишь только темнело, он запирает дверь вагончика изнутри и гонял чай, предоставляя заботиться о поселке двум здоровенным псам, грозным с виду, но абсолютно безобидным тварям – прикормленным жителями поселка.

– Хороший мужик Петрович – солидный и основательный, – резюмировал Скворцов, останавливая машину у металлических ворот гаража.

На всякий случай Александр Валерьевич первым заспешил в дом: чего доброго, могли остаться кое-какие следы последней гулянки с девочками. Вроде бы две студентки, как смутно

помнил Скворцов, все за собой убрали, даже пол в гостиной помыли. Но на пьяные воспоминания полагаться никогда не стоит. Он просиял: гостиная, залитая солнцем, смотрелась как мир в первый день творения, ни пылинки, ни соринки. Бокалы весело сияли в итальянском буфете. Рама одного из стеклопакетов осталась приоткрытой, и весь табачный смог улетучился.

«Молодцы девочки, – подумал Скворцов, – жаль, телефончики их себе на память не оставил».

Картинка прошлого развлечения явственно всплыла в памяти, так явственно, словно девушки до сих пор находились в гостиной. Александру Валерьевичу припомнилось, как широкобедрая блондинка, раздетая им догола, постоянно прилипала разгоряченной задницей к кожаной обивке дивана. Вспомнилось, как на ее чувствительной коже фактурно проступали швы и пуговицы обивки. Вспомнилось, как он сам сидел рядом с обнаженной девушкой и смотрел на ее худощавую подругу, отплясывавшую на журнальном столике невероятную смесь чечетки и вальса. Конечно же, отбивать чечетку босиком можно только упившись до чертиков, но самое странное, у нее это получалось.

«Как же их звали? – Александр Валерьевич наморщил лоб. – Может, я их об этом и не спросил? Хотя нет, как-то же они друг друга называли. Правильно, – Скворцов расплылся в улыбке, – толстую худая называла Милкой, а толстая худую – Тутси. Это не имена, а клички, но было в них что-то возбуждающее».

– О чем ты думаешь? – услышал Скворцов за спиной голос жены.

Девочки, возникшие в мыслях, тут же исчезли.

– Думаю о том, как у нас с тобой тут мило и уютно. Это все ты стараешься. Чистота идеальная.

Скворцов никогда не скупился на похвалы, особенно когда дело касалось жены. Слова – они ничего не стоят, а бдительность притупить можно.

Женщину, конечно, насторожил идеальный порядок, царивший в гостиной. Она понимала, что муж, убивай его, пытай, не стал бы вытирать пыль, опорожнять пепельницу, а уж тем более не стал бы мыть пол. Рюмки в буфете стояли не в том порядке, в каком привыкла ставить их сама Раиса.

«Значит, не один приезжал, – справедливо решила она, – а с бабами. Притащил каких-нибудь вчерашних школьниц, солидная женщина никогда не позволит себе убираться в чужом доме после секса. Боже мой, как я умудряюсь терпеть его выходки, – возмутилась в душе Раиса, – и при всем при этом оставаться ему верной? Почти верной», – тут же уточнила она.

Для редких измен она сама придумала определение: несознательные – это те, к которым она сознательно не стремилась, которые можно было потом объяснить очень просто: так получилось.

– А я-то думала, мне придется наводить порядок, – обнимая мужа, сказала Раиса, – а ты такой молодец, сам все убрал, даже пол вымыл. Тебя полезно иногда оставлять одного, дома-то тебя никак не заставишь уборкой заняться.

– Чего уж, – невнятно пробормотал Скворцов, боясь, что жена вычислит его похождения, – особого беспорядка и не было. Я один тут жил, тишиной и покоем наслаждался. Иногда полезно из города вырваться. Жаль, тебя со мной не было.

– Мне показалось, что ты уставший приехал.

– Соседи, сволочи, – притворно вздохнул Скворцов, – всю ночь гуляли. Женский визг, пьяный хохот... Голые по участку ночью бегали, – доверительно сообщал он жене, – совсем стыд потеряли. Хоть бы окна у себя завесили, а то скотством занимались и не прятались, будто животные в зоопарке.

Раиса решила не говорить мужу о том, что если бы он не смотрел в окно, то ничего бы и не увидел, она понимала: Скворцов обманывает ее, ничего подобного у соседей не происходило.

Она знала их немного, вполне пристойные люди. Скорее бы поверила, что ее благоверный в голом виде гонялся за девками по густо разросшейся траве.

Вместе Раиса и Александр прожили уже семнадцать лет, если не считать трех лет знакомства до замужества. Этого времени вполне достаточно, чтобы видеть друг друга насквозь, отличать ложь от истины и не требовать друг от друга всей правды.

– Ты меня прихватил с собой сегодня как рабочую силу? – поинтересовалась супруга.

– Нет, что ты, – обиделся Скворцов. – Мы люди солидные, собираемся вместе с женами, иначе что о нас говорить станут?

– Ты мне расскажешь, что вы задумали?

Скворцов замялся. Он никогда не любил загадывать наперед. Если проколешься, потом и промолчать можно, а получится – честь тебе и хвала. Но новое вхождение в политику предъявляло новые требования не только к Скворцову, но и к его жене.

– Садись, дорогая, – Александр Валерьевич усадил жену на кожаный диван, точно на то место, где прилипла к кожаной обивке толстая студентка. – Ты не подумай, ради Бога, что я тебя в чем-то подозреваю...

– Короче, – сказала Раиса.

– Я хочу вернуть себе власть, и поэтому...

– Я должна быть пайнкой, – закончила за него женщина.

– Именно это я и хотел сказать.

– Значит, до сих пор я вела себя не так, как подобает?

– Вы, женщины, вечно все перевернете. Я всего лишь хотел, чтобы ты вела себя поосторожнее.

– Это ты будь поосторожнее, мне скрывать нечего. Я могу каждый день с утра до вечера позировать перед телевизионной камерой ОРТ в прямом эфире, и никто ничего плохого не увидит. Меня можно детям показывать. А вот ты...

– Что я? – голос у Скворцова дрогнул.

– У тебя это не всегда получается, – осторожно заметила Раиса.

– Мы с тобой – отличная пара. Ты будь осторожнее в высказываниях, никому про меня, Кабанова и Нестерова ничего не рассказывай, даже если очень доставать станут.

– Так вот почему Кабанов с Нестеровым к нам зачастили! Не сидится вам на месте. Смотри, дорогой, высоко сидеть – низко падать.

– Я учту предыдущие ошибки, – и Скворцов нежно обнял жену, поцеловал в губы, чего не делал довольно давно, обычно довольствуясь лишь сугубо техническим сексом.

«За неимением лучшего король спит со своей женой», – любил повторять он народную английскую поговорку.

Раиса немного оттаяла, пусть даже и понимала, что муж элементарно подлизывается к ней в преддверии новых выборов, опасаясь, что жена может подпортить ему карьеру.

– Муж и жена – одна сатана, – прошептал Скворцов. – Ты же мне зла не желаешь?

– Никогда и ни за что. Пусть ты, Саша, не ангел, но я всегда на твоей стороне.

– Ты у меня самая умная, – сказал Скворцов, привыкший в душе называть жену в лучшем случае «недалекой».

Он превзошел самого себя в обходительности. Занес из машины на кухню продукты, распаковал их.

– Поколдууй немного у плиты, а я пока банькой и мангалом займусь.

Вскоре над трубой отдельно стоящей бревенчатой баньки весело вился дым. Скворцов радовался, что заглянул в баню первым. Там на деревянной вешалке одиноко висел кружевной лифчик. Кому именно он принадлежал – Милке или Тутси, Скворцов вспомнить не мог.

«Может, Рая забыла? – и тут же криво усмехнулся. – Пойти спросить? Если ошибусь, за такую догадку можно и в глаз получить».

Он сжал кулак, сунул его в чашечку. Получалось, что по размеру белье могла носить и жена, но тут же Скворцов отыскал и контраргумент: куда она без лифчика с ее отвисшей грудью выйдет? Скворцов увлекся расследованием.

«Если лифчик ношенный, то она могла в новом выйти».

Скворцов принялся исследовать белье. Единственный запах, который он смог различить, был запах несомненно дорогой туалетной воды.

«Вроде я в прошлый раз баб в баню не водил, – пожал плечами Скворцов. – Топить поленился. Черт знает что твориться стало. Раньше сколько ни выпивал, все помнил, а теперь – словно дырка в голове образовалась, черная дыра».

И он принял единственно верное решение – засунул неопознанный лифчик между поленьями в печурке и безо всякой жалости разжег огонь.

«Мне-то что? Чей бы лифчик ни был, не хрен бросать его где попало!»

Скворцовы хоть и приехали рано, но время летело катастрофически быстро. Александр Валерьевич успел лишь протопить баньку да разжечь поленья в большом мангале, как на улице поселка показались две машины, следовавшие одна за другой.

– Твои приятели едут! – крикнула, свесившись из окна, Раиса.

Скворцов в это время как раз ворошил дрова в мангале. Дым ел глаза, и, глядя на него, можно было подумать, будто голос жены выворачивает ему нутро.

– Здорово, политик! – звучно выкрикнул генерал Кабанов, выбираясь из машины.

Его супруге Ольге даже не могло прийти в голову, что мужчина может обойти машину и открыть ей дверцу, подать руку, помочь выбраться. Ее муж, самый настоящий генерал, был выше подобных глупостей. Даже если бы она намекнула ему, то услышала бы в ответ прямолинейное генеральское:

«Не безногая, сама выйдешь!»

Тем не менее Григорий Викторович Кабанов свою жену Ольгу любил как умел, во всяком случае, дурой называл любя, в отличие от Скворцова.

– Привет доблестным вооруженным силам! – крикнул Скворцов, и мужчины обнялись, будто не виделись несколько лет.

– Разжирел, разжирел, – приговаривал Кабанов, ощупывая Скворцова.

Тот жеманно отводил глаза, промямлил что-то о бассейне, в котором плавает два раза в неделю, но тут же проговорился, что со следующего месяца собирается заняться спортом, а теперь на это нет времени.

– И не будет, – веско подытожил Кабанов, уступая Скворцова Виктору Николаевичу Нестерову.

Если Скворцов и Кабанов смотрелись простецки, без затей, то бизнесмен Нестеров уже освоился с большими деньгами, приобрел не поддельный, а самый настоящий лоск. Он умел носить костюмы.

Нестеров обошел машину и распахнул дверцу. Его спина при этом осталась абсолютно прямой, словно мужчина вместо позвоночника имел металлический стержень. Подал руку жене – Станислава легко выпорхнула из автомобиля. Она была настолько уверена в собственном муже, что даже не коснулась дверцы, знала, тот захлопнет ее. Лишь после этого Нестеров поприветствовал сперва Раису, вышедшую на крыльцо, затем Скворцова.

– Привет! Дышится у вас легко.

– У тебя, Виктор, дом еще в лучшем месте стоит.

– Лучшее место там, где друзья, – ухмыльнулся бизнесмен.

Трое мужчин и три женщины чувствовали некоторую неловкость. Раньше мужчины были довольно дружны, делали одно дело, но потом основательно переругались. Лишь после неудачного хождения во власть Скворцова вновь сошлись вместе.

Лишенный комплексов Кабанов тут же сообщил женщинам:

– Нам, бабоньки, поговорить о делах надо, так что вы уж сами собой займитесь. И столом заодно.

Нестеров, снисходительно усмехнувшись, обменялся взглядами с женой: мол, я бы себе такого никогда не позволил. Скворцов же уладил неловкость в одно мгновение:

– Рая уже все приготовила. Вы отдыхать приехали, – обратился он к женщинам, – я баньку протопил. Попарьтесь, а уж потом – прошу к столу.

Возражать никто не стал. Во-первых, женщинам неинтересны сугубо мужские разговоры, во-вторых, лучше париться, чем собирать на стол.

– Прощу. Посидим на улице, – предложил Скворцов, вынося на лужайку перед домом пластиковый стол, какие ставят в летних кафе, и пластиковые кресла.

Дрова в мангале пылали во всю мощь, огонь с гудением вырывался из его черного чрева. Замаринованное мясо стояло в эмалированном тазике, прикрытом сверху куском фанеры. Поверх лежали широкие, остро отточенные шампуры.

Раиса принесла из дому простыни, халаты для жен приятелей своего мужа, и вскоре дверь бани затворилась.

Глава 4

Скворцов разливал по тяжелым стеклянным бокалам пиво.

– Вздрогнем, мужики, – он коснулся своим бокалом двух других и жадно принялся глотать холодное темное пиво.

– Новости плохие, – наконец сообщил Скворцов, когда половина бокала опустела.

– А когда они хорошими были? – усмехнулся Нестеров.

– Тогда, когда их вообще не было, – сквозь зубы отвечал генерал.

– Мне донесли, что в администрации президента нашим проектом заинтересовались.

– Еще бы! – вставил Кабанов.

– Но не с той стороны, с какой бы нам хотелось.

– Это уже хуже, – бизнесмен Нестеров умел пить медленно. Пива в его бокале почти не уменьшилось.

– Подножку нам ставят.

– Кто?

– Геннадий Павлович засуетился, – сообщил Скворцов.

– Он же в администрации давно не работает.

– Не тебе, генералу Кабанову, объяснять, кто такой Геннадий Павлович. Ты имеешь представление о его возможностях?

– Нас голыми руками не возьмешь. Мы от душманов не бегали и от своих не побежим.

– Я и до этого, – вставил бизнесмен, – не рассчитывал на поддержку Кремля. Наш с вами план безукоризненный. Депутатский мандат – не такой уж эксклюзивный товар, чтобы за него администрация на дыбы встала. Попортят нервишки, но в меру, и одно кресло нам достанется.

– Может, заплатить кому надо? – предложил Кабанов.

Скворцов при упоминании о деньгах слегка съезжился и посчитал за лучшее спрятать взгляд в бокале с пивом.

– Большие деньги, – задумчиво проговорил Нестеров, – в нашем с вами случае нужны лишь для честной игры. Листовочки издать, собрания провести, концертов пару организовать, ветеранам продуктовые подарки преподнести. Если бы можно было взяткой отделаться, я с вами, мужики, честно говорю, связываться не стал бы. Я, в отличие от вас, азбуку рынка уже постиг. Чем, по-вашему, цивилизованная страна от нецивилизованной отличается?

Скворцов пожал плечами, а Кабанов с генеральской простотой заявил:

– В цивилизованных странах все продается, а у нас еще остались вера и идеалы, которые хрен купишь.

– Золотые слова, – рассмеялся Нестеров. – В цивилизованной стране я бы за деньги мандат тебе, генерал, купил бы, как Скворцову в прошлый раз. Он же из-за этого депутатом второго сорта себя не чувствовал?

– Нет, – пробормотал Скворцов, опустошая бокал.

– Всякий товар имеет свою цену, но только при рынке. А поскольку мы цивилизованное общество еще не построили, я, к сожалению, повторить прошлый путь не могу. Эх, Скворцов, Скворцов, – покачал головой Нестеров, – и какого черта ты тогда на кремлевские обещания купился? Нас пробросил. Надо было тебе в министры идти?

– Я же думал как лучше.

– Надо не думать, а с умными людьми советоваться. Тебя как последнего мальчишку пробросили, поманили постом. Ты депутатство, за которое я двести тысяч выложил, своих, между прочим, кровных денег, бросил и убежал в правительство. Посчитал, что круче других станешь, а тебя через два месяца из правительства под зад ногой выбросили.

– Будет вам вспоминать, – недовольно сказал Скворцов, – я свои ошибки учел и повторять их не собираюсь.

– Это хорошо, Александр Валерьевич, если ты понял, что нельзя первородство за чечевичную похлебку продавать. Ведь много достойных, да мало избранных.

– Это кто сказал? – насторожился Скворцов.

– Сын Божий, Иисус Христос. Евангелие время от времени почитать надо. Министров президент назначает, а депутата избирают. Мало избранных... – повторил цитату из Евангелия Нестеров.

– Мужики, кто старое помянет, тому глаз вон, – генерал отставил бокал и принялся пить пиво из горлышка. – Так вкуснее, – пояснил он.

– Двести тысяч, – вкрадчиво продолжал Нестеров, – даже в наших кругах это большие деньги. За них обычно голову отворачивают. Но поскольку ты, Александр Валерьевич, обещал ошибок больше не совершать, я их тебе прощу.

– За те два месяца, что я в правительстве был, ты на моих протекциях миллионы заработал.

– Можно подумать, я с тобой не делился!

– Мне ваши темные делишки вот где сидят! – Кабанов провел ребром ладони по шее. – Я о них знать не желаю, мне главное в Думу попасть, порядок там навести. Появился шанс в межсезонье в Думу пролезть, и нельзя его упускать. Каждый из нас свое поиметь должен. Наша фракция да плюс еще один голос – это сила, убойная сила.

– Дрова прогорели, – спокойно сказал Нестеров, – мясо надевать на шампуры самое время.

Скворцов засуетился, одним глотком допил пиво и, сев на корточки, принялся ловко нанизывать маринованное мясо на шампуры. На запах тут же слетелись осы.

– Кыш! – приговаривал Александр Валерьевич, отгоняя назойливых насекомых. – Вот же дрянь, маленькая, а отравы в ней столько, что здорового мужика с ног свалить может.

– По-настоящему здоровых мужиков не бывает, – напомнил Нестеров.

– А я? – стал в позу Кабанов.

– Какой же ты здоровый мужик, если тебя хрупкая девушка может в постель уложить, поманив мизинчиком?

– Не меня бабы укладывают, – окрылся генерал, – а я их в кровать валяю.

Нестерову тут же представилась панцирная кровать с металлическими спинками, хотя он и знал, что и дома, и на даче у генерала стоит деревянная мебель.

– Ты так кровожадно куски мяса накальваешь, будто шампур в горло своему лютому врагу втыкаешь. Прибереги прыть, она тебе еще понадобится.

– Поговаривают, что еще один сильный кандидат по округу пойдет.

– Кто? – замер с куском мяса в руке Скворцов.

– Еще неизвестно, но новости самые свежие, их даже журналисты не знают.

– Горбатенко? Бывший прокурор? Его поддержит Кремль?

– Насчет Кремля я скажу точно: Горбатенко они никогда не поддержат. Но нам придется туго, от него деньгами не откупишься. Человек он неуправляемый, попадет в Думу – станет свою игру вести, – с этими словами Скворцов так зло ткнул шампуром в кусок мяса, что чуть не поранил себе палец.

– Горбатенко я попробую взять на себя, – пообещал бизнесмен Нестеров, – денег у него на серьезную борьбу нет. От финансовой помощи, если не выставлять предварительных условий, он не откажется, а в самый последний момент мы его пробросим. Он не подозревает, что мы все трое в одну руку играем.

Вскоре мясо уже шипело над пышущими жаром угольями. Скворцов ловко заливал то и дело вспыхивающие языки пламени пивом прямо из бутылки, а Нестеров живописал труд-

ности, которые ждут троих мужчин на пути во власть. За разговором они даже забыли, что приехали в загородный дом с женами.

Три женщины, если бы не дела, сведшие их мужей вместе, никогда бы не собрались под одной крышей, настолько они были разные. Но всегда у женщин найдутся общие интересы: для умных и глупых, молодых и в возрасте, вырастивших детей и никогда их не имевших.

Ярко горели врезанные в низкий потолок бани галогеновые лампочки.

Раиса, Ольга и Станислава расположились на полках, ступеньками уходящих к потолку. Самая молодая из женщин, Станислава, полулежала, согнув одну ногу, вторую манерно выпрямив. Ее не смущали пристальные взгляды двух других женщин. Она обладала идеальной фигурой, – других в манекенщицы не берут. Упругая грудь молодой женщины, усыпанная каплями пота, продолжала оставаться пронзительно-белой, словно в бане и не стояла стоградусная жара.

Жена Кабанова Ольга знала, что по всем статьям проигрывает Станиславе, поэтому и сидела, набросив на плечи простыню, стараясь не демонстрировать поддавшееся давлению времени тело. Раиса Скворцова забралась на верхнюю полку, расстелила простыню и растянулась на ней животом вниз.

– Закроешь глаза и кажется, – проговорила она, – будто лежишь на пляже под палящим солнцем. – Раиса подняла голову и глянула на градусник. Красный спиртовой столбик поднялся до отметки девяносто восемь. – Все, не могу больше, – сказала она, слезая на нижнюю полку.

Женщина разомлела настолько, что ей уже было наплевать, как она выглядит. Но взгляд Станиславы тут же привел ее в чувство. Раиса распрямила спину и вытерла краем простыни пот с лица.

– Интересно, кто придумал баню – мужчины или женщины? – весело улыбнувшись, поинтересовалась Станислава.

– Наверное, мужики, – неохотно отозвалась сорокапятилетняя Ольга.

– Почему?

– Они больше париться любят.

– Нет, – улыбнулась Станислава, – баню изобрели женщины, потому что после нее выглядишь соблазнительнее.

– Не знаю, – пожала плечами Раиса, – у меня после бани никакого желания сексом заниматься нет, сразу засыпаю.

– Зря, – Станислава встала и сладко потянулась, по-кошачьему выгибая спину. – А я в бане словно энергией напитываюсь.

Жена Нестерова вышла из парилки и, застелив пластиковый стул простыней, села поближе к двери.

– Баня у вас хорошая, жаркая, – Станислава рукой толкнула дверь на улицу, та до половины открылась.

Раиса даже вздрогнула. Мужчины, сидевшие у дома, вполне могли видеть, что происходит в предбаннике. Яркое солнце золотило обнаженное бедро Станиславы. Демонстрировать свое тело в выгодном ракурсе профессиональная манекенщица умела.

– Что вы беспокоитесь? Их только политика сейчас и интересует. Неужели вы думаете, это им интересно? – засмеялась жена Нестерова.

– Нет, но в общем-то... – замялась Раиса.

– Если хотите, я дверь закрою, но здесь так жарко.

Раиса заметила – ее муж резко отвел взгляд, лишь только увидел, что жена заметила, как он разглядывает Станиславу. Нестеров же делал вид, будто не знает, что его жена демонстрирует себя, он предусмотрительно сел спиной к бане.

– Почему многие считают, что показываться на людях обнаженной неприлично? – рассуждала жена Нестерова. – Все, что красиво, не может быть неприлично. Другое дело, когда

демонстрирует себя древняя старуха. Это в самом деле неприлично, потому что отвратительно. – Станиславу забавляло то, как теряется Раиса от подобных откровений. – Вы не обращайтесь внимания, я иногда люблю позлить мужа. Меня забавляет, как он старается делать вид, будто не замечает мои выходки.

– Мы с Александром Валерьевичем, – строго сказала Раиса, – наверное, немного старомодны.

Жена генерала Кабанова все еще парилась.

– Нет, что вы, вы очень милы и современны. Но вот Ольга, жена Кабанова, – шепотом добавила Станислава, – она старомодна, другое поколение. Как можно комплексовать по поводу собственного тела? Как можно с этим жить? – недоумевала манекенщица. – Мы только что о вас говорили, – воскликнула Станислава, лишь только сорокапятiletняя Ольга вышла в предбанник.

Уточнять, о чем именно говорили женщины, Ольга не стала. Она неодобрительно посмотрела на открытую дверь и тяжело опустилась в кресло.

– Я так за своего Гришу боюсь, – призналась она, – зачем ему в политику лезть? Он у меня совсем не интриган.

– Можно подумать, наши мужья интриганы! – засмеялись женщины.

– Не знаю, как кто, а Гриша привык всегда честно и напрямую говорить.

Заслышав голос своей жены, генерал Кабанов занервничал. Это не укрылось от наметанного взгляда Нестерова. Он еле заметно улыбнулся. Виктор Николаевич никогда не понимал мужчин, испытывавших душевный трепет перед своими женами. Он-то Станиславу выдрессировал так, что она и слова поперек ему сказать не могла.

Когда шашлыки уже зарумянились, мужчины переговорили о деле и могли позволить себе расслабиться. В ход пошла водка, как раз к приходу женщин они успели выпить пол-литра на троих. На улице компания просидела до самого заката, пока наконец не налетели комары и не заставили отдыхающих перебраться в дом. Там приятное времяпрепровождение и было продолжено.

Тыкая вилками и ножами в экран телевизора, мужчины обсуждали последние новости. Как ни странно, на экране телевизора, по мнению собравшихся, за весь вечер не появился ни один достойный человек. Все были или взяточниками, или дураками, или теми и другими вместе. Не пощадили даже дворника, случайно попавшего в объектив телекамеры. Тот, по мнению Станиславы, был просто уродом, недостойным жить.

Даже Кабанов, заявивший по приезде, что сегодня же вернется в Москву, подобрел настолько, что позволил Скворцову уговорить себя остаться на ночь. Комнат в доме хватало.

Когда за полночь все разбрелись по спальням, Скворцов спустился на кухню и достал из холодильника недопитую бутылку водки. Ему казалось, что выпил он сегодня непозволительно мало.

Неслышно появился генерал Кабанов, заглянул в гостеприимно приоткрытую дверь и тут же расплылся в улыбке:

– Я так и знал, что ты, Александр Валерьевич, спустишься.

Не дожидаясь приглашения, генерал завладел початой бутылкой и двумя рюмками. Он почти никогда не позволял другим разливать спиртное в своем присутствии. Быстро и аккуратно наполнил рюмки до краев – так, что в руки взять страшно, обязательно обольешься, а затем ловким движением опрокинул рюмку в рот и тут же оглянулся на дверь, ведущую в коридор, не вышла ли посмотреть жена.

Кабанов повертел в руках пустую бутылку, словно в ней могло еще что-то появиться, и с тяжелым вздохом отправил стеклотару под стол.

– У меня еще есть, – напомнил Скворцов.

– Я и не сомневался, – шепотом произнес Кабанов и тут же состроил гримасу.

Он понимал, что если разопьет сейчас бутылку со Скворцовым на двоих, то тормоза отъедут, и он, как настоящий генерал, начнет резать приятелю правду-матку с плеча. Но выпить хотелось, аж сводило скулы. Жирное мясо, салаты стояли где-то в районе кадыка и никак не хотели опускаться ниже. Скворцов почуял слабину генерала. Он понимал, что смущает Кабанова, но ему хотелось услышать от него правду.

– Выпьем? – Скворцов вытащил из морозилки бутылку водки и поставил ее на стол.

Кабанов зажмурил глаза, облизнулся, собрал в кулак всю волю и несколько мгновений медлил, не в силах повернуть язык в пересохшем рту.

– Не буду!

– Ну, ты даешь! – восхитился бывший депутат, бывший министр.

– Настоящий мужчина должен уметь говорить «нет», – сказал генерал и ударил кулаком по столу. Его лицо побагровело, Скворцов даже испугался, не хватит ли сейчас Кабанова удар.

Хозяин дома сообразил: такого напряжения долго гость не выдержит. Если бутылка еще минуту простоит на столе, то генерал потеряет сознание, как терял его Гай Юлий Цезарь, отказываясь от императорской короны, которую принесли ему сенаторы.

Тогда ушлый политик Скворцов решил действовать от обратного.

– Мое дело предложить. Не хочешь... – и он картинно взялся за горлышко бутылки, а другой рукой за ручку холодильника, словно бы всерьез собирался спрятать водку в ледяной холод.

Генерал, не открывая глаз, перехватил руку Скворцова.

– Стоп машина, – выдохнул Кабанов, – будем пить. Если что на стол поставлено, назад убирать нельзя, – тут же придумал он выгодную для себя народную примету.

– Нестерова позовем, – предложил Скворцов.

– Он не пойдет, бизнесмен долбаный! Ему завтра договора подписывать. Ты же видел, как он сачковал за столом. Он не мужик, – резко произнес Кабанов. – Настоящий мужик никогда себе вместо водки минералку в рюмку не нальет.

– У него жена молодая, – с завистью произнес Скворцов.

– И твоя не старая.

Кабанов хватил рюмку и качнулся на задних ножках венского стула. Тот жалобно взвизгнул, но тушу генерала выдержал.

Если бутылка открыта, ее непременно допивают до конца, во всяком случае настоящие мужчины, и делают это быстро, пользуясь темнотой и тем, что жены их еще не хватились. Бутылка незаметно опустела, Кабанов даже не поверил собственным глазам, заподозрив, что Скворцов схитрил.

Александр Валерьевич глянул в глаза генералу и понял, что тот еще не дошел до кондиции, чтобы резать правду-матку.

– У меня еще «тыкила» есть, – сообщил бывший депутат.

– Это что за дрянь? Я только беленькую, – сообщил генерал.

– Она беленькая, тоже водка, но из кактуса выгнанная, мексиканская.

Кабанов задумался, словно решал сложную тактическую задачу:

– Покажи.

Исчезнув на полминуты, Скворцов вернулся с пузатой бутылкой. Кабанову сам вид посуды не понравился, он предпочитал классические формы. По его мнению, бутылка обязана быть круглой, как снаряд.

– Баловство, – сообщил Кабанов, разглядывая этикетку с мексиканцем в сомбреро. Латинские буквы он вообще не умел читать, хотя и закончил академию с отличием.

– Зато – сорок градусов.

Пока генерал размышлял и колебался, Скворцов налил себе граммов пятьдесят «тыкилы», лизнул руку, посыпал мокрое место солью, выдохнул воздух так сильно, что лег-

кие чуть не слиплись. Одним глотком он выпил «тыкилу» и тут же жадно слизал соль острым бледно-розовым языком. Кабанов, склонив голову набок, изучал Скворцова, в душе полагая, что приятель тронулся рассудком.

– Ты чего? – спросил он.

– Так положено.

– Кому?

– Тому, кто «тыкилу» пьет.

– Я по старинке, огурчиком лучше, он тоже соленый.

Огурца не нашлось.

Кабанов долго нюхал рюмку:

– Самогонкой пахнет, но не хлебной, а сахарной. Ну и дрянь ты в доме держишь! Небось, никто пить не захотел, так ты мне предлагаешь.

– Эта «дрянь» по деньгам целый ящик водки стоит.

– Это еще ни о чем не говорит, – Кабанов щелкнул толстым крепким ногтем этикеточного мексиканца по носу. – Латиноамериканцы – они все дураки, кроме кубинцев, конечно. Да и кубинцы ни хрена уже не понимают. Могли они в свое время по американцам ракетой шарахнуть! Но свое величие просрали, – и генерал, влив «тыкилу» в горло, секунды на две замешкался.

Спиртное просилось назад. Генерал подхватил из солонки большую щепоть соли и всю без остатка всыпал в разверстую пасть. Эффект, произведенный крупной йодированной солью, пришелся генералу по душе. Было в этом действии что-то походное, военное, а значит, мужественное.

– Сейчас бы тушенки рубануть прямо из банки штык-ножом!

Скворцов поежился, представляя, сколько неприятностей сулит ему политическая афера, которую Нестеров замутил на свои деньги. Наверняка, во время выборной кампании придется не раз объяснять слова генерала туманным дипломатическим языком. Но с другой стороны, Скворцов понимал, что простому народу, как любили говаривать в Государственной Думе, речь генерала близка и понятна, электорат сам так выражается, сам «тыкилу» не пьет.

– Повторим, – твердо сказал Кабанов.

И то, чего не смогла сделать водка, довершила мексиканская самогонка. Она, как ацетон растворяет киноплёнку, растворила мясо, салаты и достигла дна желудка, не растратив по дороге своей убийственной силы. Генерал поежился от кайфа.

– Ну, как? – поинтересовался Скворцов.

– Ничего. Умеют мексиканцы самогонку делать. С водкой ее, конечно, не сравнишь, но что-то в ней есть. Хохляцкую «перцовку» напоминает, продирает изнутри, но не греет, – Кабанов блаженно улыбнулся, подался вперед и, загнув палец крючком, подцепил ворот рубашки Скворцова.

Подтянул приятеля к себе поближе и, жарко дыхнув «тыкилой» в лицо, произнес:

– Если ты меня хоть один раз сдашь, голову откручу! – и Кабанов, звучно захохотав, мокро поцеловал Скворцова в губы.

– Ты, генерал, чего разминдальничался? – Скворцов утер губы рукавом.

– Нравишься ты мне, хоть и скотина последняя. Подонок хренов, – ласково приговаривал Кабанов, разливая «тыкилу». – Пей, Скворцов, прорвемся в депутаты. Если ты, урод долбаный, стать им сумел, то я и подавно! – и не успел Александр Валерьевич запротестовать, как Кабанов щедро насыпал из солонки граммов двадцать соли прямо ему в рюмку.

Но Скворцов уже находился в той стадии опьянения, когда все равно, что пьешь – родниковую воду или одеколон.

– И эту бутылку прикончили, – в голосе Кабанова все-таки чувствовалась неудовлетворенность. – Неплохо посидели. Если бы утром за руль не садиться, я бы еще и пивом полирнулся.

– Пиво на завтра оставим, – не прощаясь, не желая спокойной ночи, генерал выбрался из-за стола, сопя, кряхтя. Держась за поясницу, стал взбираться по крутой лестнице на второй этаж.

Скворцов слышал, как вздохнула и заскрипела кровать, как недовольно забурчала жена генерала.

– Вот, скотина, наверное, в одежде спать завалился, – с завистью подумал Скворцов, отправляясь чистить зубы.

Он дважды промахнулся мимо щетки, выдавливая пасту, и понял, что промахнется и третий. Поэтому пальцем подобрал выдавленное прямо с края умывальника и, размазав по щетке, тщательно сверяясь с отражением в зеркале, сунул щетку в рот.

«Ну и идиотом же я выгляжу! – решил бывший депутат. – Хорошо, что меня никто, кроме своих, не видит. А они меня не сдадут, потому как теперь мы все друг от друга зависим. Хорош Кабанов, хорош и Нестеров, но только я один среди них – настоящий политик со стажем, а они – навоз, на котором я произрастать стану».

С этими возвышенными мыслями Скворцов выбрался в гостиную и понял, что на второй этаж подняться не сможет. Он решил устроить привал на маленьком кожаном диванчике. Вначале сел, затем завалился на бок. И тут комната закружилась, поплыла. Скворцов потерял ориентацию и вообразил себя космонавтом, которого испытывают на центрифуге.

«Только бы не вытошнило», – успел подумать Скворцов и провалился в черную невесомость.

Нестеров слышал сквозь приоткрытую дверь спальни разговор своих компаньонов. Бизнесмен не вышел к ним специально, надеясь услышать, как по пьянке они выболтают что-нибудь сокровенное. Слова, которыми Кабанов называл Скворцова, откровением для Нестерова не являлись. Он сам в мыслях так называл и Кабанова, и Скворцова.

«Уроды, – думал он, ворочаясь в постели. – У одного, кроме орденов и умения общаться с простым народом, ни хрена нет, а другой только и умеет болтать ни о чем. Все держится на мне, на моих деньгах. Ничтожества, полные ничтожества! Но они нужны мне как прикрытие».

Глава 5

Герман Богатырев заканчивал начищать левый ботинок, правый же, стоявший на тумбочке, уже сиял, как палехская шкатулка. Низкий тучный мужчина поворачивал обувь так, как скульптор поворачивает еще не завершенную статуэтку, придирчиво осматривая, выискивая изъяны, видимые лишь профессиональному глазу.

Он дунул на носок ботинка, сделал короткий взмах щеткой:

– Порядок, – сказал он, увидев свое отражение в идеально отполированной поверхности.

Герман поставил ботинки рядышком.

В этот момент распахнулась дверь, и на пороге появился Серебров. Тотчас в комнате распространился аромат дорогого одеколона, мгновенно вытеснив запах крема для обуви. Гость скептически взглянул на ботинки своего помощника.

– Ты, Герман, никак помирать собрался?

– Типун тебе на язык! – возмутился Богатырев.

– В таких чистых ботинках только в гроб кладут. Кстати, ты подошвы почистил?

– Зачем?

– Подошвы у лежащего в гробу лучше всего видны.

– Мне тюлем ноги накроют.

Серебров прошел в гостиную, плюхнулся в глубокое кресло, закинул ногу за ногу, закурил дорогую ароматную сигарету.

В поскрипывающих ботинках в гостиную вошел Богатырев.

– Ты говорил о новом заказе. Работа для меня есть?

– Работа есть всегда, – заметил Серебров, оглядывая гостиную.

– Но не всегда есть деньги – платить за нее? – уточнил Богатырев.

– И деньги, кстати, имеются.

– Работа какая? – с испугом осведомился Герман.

– Работа хорошая, интеллигентная. Справки надо навести, сфотографировать кое-кого.

– В постели?

– Можно и в постели, – сказал Серебров. – Мне нужно, чтобы лица на снимках были четко видны. И информацию о клиентах собери – фамилии, адреса, телефоны.

– Тебе, Сергей, все сразу надо: и фамилии, и адреса, и телефоны...

– На, получи, здесь кое-что уже есть, – Серебров ловким движением бросил на стол сложенный вчетверо лист бумаги.

Богатырев развернул ориентировку и долго, близоруко шурясь, вчитывался в строчки.

– Люди известные, – сказал он и тут же добавил: – Чем человек известнее, тем меньше о нем можно узнать и за большие деньги.

Серебров улыбался:

– Ты словно на базаре, цену себе набиваешь.

– Политика – грязное дело. К твоим крутым мужикам можно подойти не ближе, чем на расстояние пистолетного выстрела. Чуть что заподозрят – мигом голову открутят. О них информацию в библиотеках собирать надо, с подшивками газет сидеть, а не в дома к ним лезть с фотоаппаратом на шею.

Серебров вздохнул:

– Ты, Богатырев, дураком был, дураком и останешься. Крутые мужики моему заказчику нужны, а я не по мужской части. У меня ориентация традиционная – правильная. Пусть Кремль и мужики в политику играют, охрану нанимают, сигнализации устанавливают, на людях не показываются, пьют при плотно зашторенных окнах, но ни один мужик не может без женщины обойтись. Зачем мужику женщина? – резко спросил Серебров.

– Зачем, зачем? – растерялся Богатырев. – Сексом заниматься.

– Дурак ты, секс лишь способ расслабиться – побыть самим собой голым душой и телом.

Расслабленный человек хуже пьяного. Вот поэтому женщины всегда посвящены в мужские тайны. Если потребуется, женщина в постели и нужную нам мысль на ушко шепнет, да так ласково и ненавязчиво, что поутру муж ее своей собственной считать станет.

– Понял, – засуетился Богатырев и принялся выравнивать концы шнурков на ботинках.

– Все трое клиентов женаты, один даже по второму разу. Сделай фотографии их жен, узнай о слабостях, о том, где бывают, что пьют, с кем встречаются.

– С кем спят? – Богатырев скроил гнусную улыбку.

– И это узнай. Мне всякая информация пригодится, но по большей части – о слабостях.

Сильные стороны мне ни к чему, я не люблю сквозь стену напролом идти.

– Когда это надо сделать?

– Как всегда – вчера.

– Три дня времени у меня найдется?

– В верхнем пределе. Ты, Герман, человек умный, сообразительный, находчивый, умелый...

Богатырев расплылся в улыбке:

– Сам знаю.

– Я не хочу, чтобы ты зря время терял. У каждого из нас есть любимый способ работы, но я хочу подсказать тебе самый быстрый.

– Скорость зависит только от суммы, которую ты сможешь мне отстегнуть.

– Если думаешь о деньгах, ничего не получится. Работа должна приносить удовольствие.

– У кого какая специальность. Не думаю, чтобы ассенизатор тащился от своей работы.

– Плохо, если не тащится. Поэтому и дерьма вокруг нас выше крыши. Я тебе подсказку даю, а пользоваться ею или нет – решай сам.

– Слушаю.

– Стоматологи, массажисты, банщики, гинекологи знают о женщинах куда больше, чем их мужья. И охраной они не обставлены. Обслуга – такие же простые люди, как мы с тобой.

Заслышав это, Богатырев рассмеялся:

– Если ты, Серебров, прост, то я тогда проще топорища. У меня свои методы.

– Это твое достоинство, – абсолютно серьезно сказал Сергей Владимирович, аккуратно гася окурок в миниатюрной пепельнице с крышечкой, которую носил с собой. – К простым людям доверия больше. При необходимости ты и за ассенизатора сойти сможешь, я же мордой не вышел.

– Ты где это время будешь?

– Я отдыхаю. Поверь, пережить собственные похороны – плохо на нервах отражается.

Видишь, круги под глазами, лицо усталое? Загарчик легкий мне не мешает, вина красного попою.

– И никаких женщин, – строго сказал Богатырев.

– Силы беречь надо, – согласился Серебров. – Впереди море работы.

Богатырев вздохнул:

– Простый раз тебе легче было, всего одна баба, а тут – три жены и молодая дочь генерала Кабанова.

– Но какая была женщина – Марина! – закатил глаза Серебров. – Поверь, мне ее до сих пор жаль, ей пришлось идеального мужчину похоронить, о котором она всю жизнь мечтала. Но в мертвом любовнике есть свое преимущество – он никогда не разочарует и не бросит.

– Я ее в церкви вчера видел, – глаза Богатырева затуманились, – она, как и обещала, свечку ставила, молитвы шептала. Молитва – она душу очищает.

– Ты к ней не подходил?

– Упаси Господи! – перекрестился Богатырев. – Я же не изверг душу любящей женщине бередить.

– Ладно. Умер так умер.

Богатырев заерзал на стуле:

– А ты, Сергей Владимирович, что делать станешь, если одну из своих прошлых подопечных встретишь на улице?

Серебров ответил, не задумываясь:

– Не узнаю.

– Они-то тебя признают.

– Скажу, мол, ошиблась.

– Не поверит.

– Тогда скажу, что я собственный однояйцевый близнец.

– Однояйцевый – это как понимать? – поинтересовался Богатырев.

– Пока она над этим вопросом думать станет, я уже два квартала пробегу или на такси уеду. Проблему есть смысл решать, когда она возникнет, а создавать в мыслях искусственные трудности и преодолевать их – занятие изначально глупое. Поэтому, Герман, я бы на твоём месте захватил фотоаппарат и поспешил на улицу, благо, адреса у тебя есть, – сказав это, Серебров принес из холодильника бутылку минеральной воды и налил стакан для Богатырева. Сам же пил из горлышка.

Герман смотрел на своего работодателя с завистью, не понимая, как удастся Сереброву жить легко и свободно, не прилагая к этому особых усилий. Красивый, умный, при деньгах, женщины его любят.

– Повезло тебе в жизни, – вздохнул Герман.

– Меня не ищи, я сам появлюсь, – и Серебров посмотрел в окно. Взгляд его был таким, словно Герман уже давно покинул квартиру.

Богатырев по собственному опыту знал, что спрашивать сейчас Сереброва о чем-либо бесполезно, он все слышит, но отвечать не станет. Пришлось побренчать ключами.

Серебров чуть повернул голову.

– Контрольный вопрос, – сказал Герман, – что самое сложное в искусстве?

– Знаю.

– Получить аванс, – напомнил Герман и протянул руку.

Серебров тщательно сложил фигу и ткнул ею в подставленную ладонь.

– Получил?

– Я рассчитывал на большее.

– Вот тебе десять долларов, на пленку для фотоаппарата хватит.

– А на бензин?

– Может, мне еще раскошелиться на костюмчики для твоих детей и на ранцы с тетрадями?

– Мои дети уже взрослые, в институте и в университете учатся, – не без гордости сообщил Богатырев.

– Тем более, должны сами себе на жизнь зарабатывать.

И когда Богатырев, матерясь в душе, уже смирился с тем, что денег не получит, пока не принесет фотографии и информацию, Серебров вытащил из кармана пять банкнот по сто долларов.

– Это аванс.

– Каков же размер гонорара?

– Умножь на три, раздели на два и прибавь еще столько же, – посоветовал Серебров, толкая Германа в спину.

Тот оказался на площадке, и Сергей Владимирович тут же захлопнул дверь.

«Что считать, сколько даст, столько даст. Больше из него не вытянуть».

Герман достал из сумки маленькую цифровую видеокамеру, положил ее на сиденье машины рядом с собой, чтобы иметь возможность в любой момент воспользоваться.

– Три бабы, – ворчал он, – три жены. Скорее всего у их мужей есть и любовницы. У генерала Кабанова взрослая дочь Кристина, двадцать один год, живет вместе с родителями. Попадают же честные генералы! Наверное, не ворует, если до сих пор дочери квартиру купить не смог. Но в то же время умным его за это назвать трудно.

К генералам, всем без исключения – даже к служащим ФСБ, Богатырев относился без должного пиетета. Уважал лишь бизнесменов и артистов, и тех, и других – за талант. Талантом Герман считал умение делать деньги на ровном месте из воздуха, как Серебров.

О Сереброве Герман знал не так уж и много, хоть и работал с ним не первый год. Даже толком не понимал, где тот живет. Случалось, что Сергей Владимирович приглашал его к себе в гости за город, но потом оказывалось, что дача съемная, жена – просто приглашенная женщина, а тесть – генерал – артист областного театра. Богатырев даже сомневался, настоящая ли фамилия у его работодателя. Он видел, с какой легкостью Серебров обманывает других, и, как умный человек, допускал, что с таким же успехом Серебров может водить за нос и его.

Богатырев уже выбрал себе первую жертву, хотя все еще сомневался, не сменить ли по дороге выбор. Самой доступной из жен трех подопечных – Кабанова, Нестерова и Скворцова – ему казалась Станислава. Относительно молода, двадцать семь лет, богатство, наверняка, не скрывает, раз муж бизнесмен, может себе позволить жить на широкую ногу прилюдно. И специальность у нее подходящая – манекенщица. Того и гляди, наткнешься на полный набор смертных грехов, от супружеских измен до наркотиков.

Подъезжая к светофору, Герман еще колебался, в какую сторону рвануть – то ли к дому Нестерова, то ли к рекламному агентству, где работала Станислава. Перед самой сплошной линией, разделяющей ряды движения, Герман рванул влево – в агентство. И тут же услышал резкий сигнал: владелец добытых «Жигулей» грозил ему кулаком.

– Козел, ездить не умеешь! – негромко проговорил Герман, прикладывая указательный палец к виску и поворачивая его, словно поджимал винт.

– Сам козел.

Водители ничем не рисковали, светофор вот-вот собирался переключиться на зеленый свет, а значит, из-за руля никто бы и не выбрался. Дважды Богатыреву пришлось проехать по одной и той же узкой улочке, прежде чем он разглядел малоприметную, но стильную вывеску «Театр моды».

«Хорошо у них дела идут, – подумал Герман, выбираясь из машины, – если у русской фирмы вывеска в два этажа высотой, да еще расцвечена неонами – беги от нее сломя голову. Нормальные люди с деньгами не высовываются, клиент у них постоянный, и светиться они не любят».

Богатырев толкнул дверь с зеркальным стеклом и оказался в бывшем парадном старинного жилого дома. Винтовая лестница уходила вверх, на стене красовались три бронзовые вывески, извещавшие, что на следующих этажах расположены офисы компьютерной фирмы, агентство по торговле недвижимостью и московское представительство турецкой строительной фирмы.

«Эти ребята еще глубже закопались, даже вывески внутрь дома спрятали, – усмехнулся Герман. – Крутые фирмы, наверное».

Ни охранника, ни вахтера в парадном не оказалось, лишь маленькая телевизионная камера ютилась под ионической капителью точеной пилястры. Внутренняя двустворчатая дверь с литой бронзовой решеткой скрывала за собой полумрак, еле рассеянный редкими лампочками, вмонтированными в подвесной потолок.

Герман, сжимая в руке тяжелый портфель, переступил металлический, отполированный подошвами посетителей порог. В воздухе чувствовался едва уловимый аромат духов, грима, другой косметики. Плотные закрытые двери кабинетов тускло отсвечивали бронзовыми ручками и выглядели неприветливо, во всяком случае, негостеприимно.

«Солидная фирма», – Богатырев остановился перед застекленной витриной с афишами. На трех афишах из шести была изображена Станислава Нестерова.

«Ого! – присвистнул Герман. – Ее муж денег не жалеет, вбрасывая их в модельное агентство. Женщина не так молода и не так привлекательна, как ее коллеги, – он разглядывал женщин на афишах, – но именно ее выставляют напоказ».

В конце коридора, за поворотом, зазвучала негромкая музыка, несколько раз полыхнули вспышки стробоскопа. Богатырев подкрался к углу и выглянул из-за него.

Небольшой зал на двести мест, хотя в нем вполне можно было бы расположить и четыре-ста кресел, высвеченный театральными софитами белый задник, дорожка подиума, проложенная к самому входу. Поближе к сиявшей цветными стеклянными люками дорожке расположились около двух десятков мужчин и женщин. Богатырев быстро сориентировался – собрались сотрудники модельного агентства и пресса. На показ моделей мероприятие не походило.

«Репетиция», – решил Герман.

Минуты наблюдения хватило на то, чтобы сообразить, что далеко не все люди, собравшиеся в зале, знают друг друга в лицо. Богатырев вытащил из портфеля универсальный, запаянный в пластик бэдж, прикрепил его к лацкану пиджака. Все, что можно было рассмотреть на бэдже, было абсолютно безобидно, но в то же время внушало доверие. Две большие буквы «ТВ» и английское «International», плюс красочная фотография самого Германа. С цифровой камерой в руке он уверенно вошел в зал и уселся на свободное место поближе к выходу.

На его появление обратила внимание лишь молодая журналистка с блокнотом в руке. Она нервно обернулась. Богатырев кивнул ей как старой знакомой, а девушка ответила неуверенной улыбкой. Она явно надеялась, что поближе к ней подсядет не низкорослый толстяк. Герман заметил стопку программ, лежавшую на журнальном столике.

– Извините, вам ближе, передайте одну, – он бесцеремонно тронул за плечо журналистку.

Девушка немного растерялась, но просьбу исполнила. На первой странице программки – Станислава Нестерова в прозрачном платье. И она же – первая в списке участвующих в показе манекенщиц, остальные девушки перечислялись в алфавитном порядке. В модах Герман абсолютно не разбирался, ему ничего не говорила фамилия модельера. Судя по программе, сам показ должен был состояться через три дня в этом же зале.

Герман подался вперед и зашептал на ухо журналистке:

– Станислава Нестерова выйдет сегодня на подиум?

Журналистка пожалала плечами, мол, сама знаю не больше вашего.

В этот момент качнулась левая кулиса, отделявшая задник от боковой выгородки, музыка зазвучала громче, одна за другой на подиум выходили девушки. Делали они это несколько лениво, будто берегли силы для настоящего выступления.

Богатырев жадно пожирал их глазами.

«Красивые, черт возьми! – подумал он. – И ленивые, как тигрицы в знойный день».

Щелкнуло несколько фотоаппаратов, зажужжала камера на плече у оператора.

«Значит, съемки не запрещены», – Герман приложил к глазу окуляр и нажал кнопку.

По подиуму, слегка покачивая бедрами, уверенно шла Станислава Нестерова. Сразу чувствовалось: женщина демонстрирует себя не ради денег и не ради славы, ее абсолютно не интересовало, как ее воспринимают немногочисленные зрители.

«Ради кого она старается? – задумался Герман. – Должен же быть в зале кто-то, на кого она хочет произвести впечатление».

Станислава остановилась в конце дорожки подиума, небрежно сбросила шубу и двинулась назад, волоча ее по полу.

«Контраст пляжного наряда и пышной шубы возбуждает», – Герман ощутил, как у него пересохло горло, так же как и у большинства мужчин в зале.

«Горда, – подумал он, – к ней ключ подобрать сложно. Даже Сереброву она может оказаться не по зубам. Красива, но холодна, – поставил Станиславе диагноз Герман, – самый сложный для работы материал. Подобные экземпляры ловятся на большие деньги, а в этом отношении с ее мужем тягаться будет сложно».

Другие женщины Германа не интересовали. Он продолжал следить за Станиславой даже тогда, когда она вернулась к заднику сцены, ожидая, пока остальные девушки завершат показ коллекции. Уверенная, что за ней никто сейчас не наблюдает, Станислава вела себя более естественно, чем тогда, когда шла по подиуму.

Герман перехватил ее взгляд, когда Нестерова смотрела на молодого рослого мужчину, сидевшего в глубине зала.

«Слишком красив, слишком хорошо сложен, – отмечал про себя Богатырев, – для того, чтобы быть бизнесменом. Не журналист, морда глупая. Короче, жеребец да и только, живущий тем, что перепадает ему от богатых подружек за любовные удовольствия. Человек дела не может уделять много времени своей внешности. Чтобы иметь такие бицепсы, нужно по нескольку часов в день проводить в тренажерном зале. Я бы тоже мог так выглядеть, если бы захотел, – польстил себе Герман. – Вот и отыскался тот, для кого она бедрами виляла».

Но, даже совершив открытие, Герман не рискнул еще раз включить камеру, чтобы запечатлеть красавца мужчину. Он заметил, как Станислава подмигнула своему избраннику, как тот ответил кивком головы, мол, все в порядке, я буду ждать тебя.

«Попались, голубки!»

Еще целых три коллекции продемонстрировали девушки. В конце показа вышел модельер, выглядевший лилипутом среди рослых манекенщиц. Внешностью он обладал красивой, но отталкивающей, не было в нем четкого мужского начала. Журналисты обступили его. Поближе подобрался и Герман, но не слушал, о чем идет разговор. Во-первых, не разбирался в тонкостях моды, во-вторых, не за это Серебров платил ему деньги.

Герман, скосив глаза, наблюдал за Станиславой и красавцем мужчиной. Они сидели рядом на легких складных пластиковых стульях. Нестерова поглаживала мех шубы, делая это крайне эротично. Ее пальцы то терялись в густом меху, то вдруг вспыхивали блесками ярко накрашенные длинные ногти, то вдруг ее рука замирала, пальцы нервно сжимались в предвкушении чувственного удовольствия.

«Вот стерва... прошмандовка, – думал Герман, нарушая одно из правил, которому учил его Серебров: «Никогда не воспринимай противника и объект слежения как близкого тебе человека, не давай ему оценок. Нет мерзавцев и негодяев, есть люди, за которыми ты должен следить. Все поступки оценивай лишь исходя из пользы для дела».

Богатырев насколько мог напряг слух.

– ...Ты так возбуждающе на меня смотрел, – проговорила Станислава.

– Ты была неотразима.

«Напыщенные идиоты!» – вновь нарушил правило Богатырев.

– Тебе не страшно сидеть рядом со мной? – грудным голосом с придыханием поинтересовалась Нестерова.

– Ты тоже должна меня бояться.

– Если бы мой муж узнал о тебе... – мечтательно произнесла женщина.

– Он бы убил меня, – закончил за нее фразу мужчина.

– Николай!.. – вновь с придыханием произнесла Станислава, она обладала удивительным свойством любое слово превращать в чувственный вздох.

Николай лишь только услышал произнесенное женщиной свое имя, тут же расправил плечи и напряг мышцы так, что они рельефно выступили под тонким облегающим свитером.

«Жеребец, только не ржет... пока не ржет».

Богатырев заметил, как скользнула рука женщины и кончики ее пальцев коснулись локтя мужчины. И тут Герман дернулся: в углу зала он увидел двух невыразительных парней в черных костюмах. Они вроде бы беседовали между собой, но в то же время не спускали глаз с воркующих любовников.

«Может, показалось?» – поспешил успокоить себя Герман.

Но эти двое парней явно выбивались из публики, собравшейся в зале. Их, как и самого Богатырева, не интересовал показ моделей, не интересовал модельер, а лишь Станислава и ее собеседник.

«Муж, наверное, пристроил их наблюдать за женой».

С подобным Герману приходилось сталкиваться не один раз. Среди клиентов его работодателя Сереброва попадались крупные воротилы от бизнеса с болезненной, в смысле ревности, фантазией. Деньги позволяли им реализовывать свою фантазию на полную катушку. Охранники, соглядатаи, фотографы, операторы не выпускали любящих погулять на стороне жен из поля зрения.

«Бойся не за них, бойся за себя», – пришел к компромиссу в собственном поведении Герман.

Пальцы любовников переплелись, Станислава торопливо накрыла их полрой шубы.

Нестерова пристально посмотрела на Николая. Во взгляде женщины не было просьбы о близости, не было сомнения, она оставалась спокойной – знала, что мужчина не сможет ей отказать.

«Стерва!» – подумал Герман.

Качок Николай не нравился ему ни одной секунды.

– Гуттаперчевый мужик, – определил для себя помощник Сереброва, – словно с обложки журнала сошел. Все в нем ненастоящее, начиная от накачанных химией мышц и кончая улыбкой, расцвеченной фарфоровыми зубами.

Но, наверное, манекенщице именно такие мужчины и нравились. Деньги в кармане любовника ее не интересовали, ими ее с лихвой обеспечивал муж, но иногда хотелось пощекотать нервы.

Богатырев очень осторожно оглянулся. Но охранников, приставленных Нестеровым, уже не заметил. Голубки тем временем продолжали ворковать, особенно ни от кого не прячась.

Улучив момент, Герман снял их на видео.

«Освещение ни к черту, но кое-что получится. Серебров будет рад, он ценит пикантные детали из жизни клиентов».

Показ был закончен. Журналисты уже расходились, оставаться в зале долее Герману стало не с руки. Когда он был одним из сорока зрителей, на него никто не обращал внимания, а если бы он засиделся один в пустом зале, им непременно заинтересовалась бы охрана.

Вытащив сигарету и разминая ее в пальцах, Герман вышел в коридор. Оказывается, репетиция показа имела и свое продолжение. Журналисты толпились в конце коридора, среди них затесались и двое охранников. Герман стоял лицом к окну, чтобы меньше светиться на публике, и стал ожидать, когда же появятся Николай со Станиславой. Он ловил обрывки разговоров, пытаясь хотя бы сейчас сообразить, свидетелем чего, собственно говоря, стал.

Манекенщица и качок вышли из зала бесшумно, держась друг от друга на солидном расстоянии. Если бы Богатырев не видел их до этого вместе, никогда бы не подумал, что они любовники. Мужчина и женщина торопливо прошли в темный холл. Охранники тут же стали выбираться из толпы журналистов, ожидавших, когда откроют дверь в зал для пресс-конференции. Герман, стоявший близко к выходу, увидел, как Станислава с Николаем скрылись в

одном из кабинетов, бесшумно прикрыв за собой дверь. Охранники, негромко матерясь, проследовали мимо Германа и в растерянности остановились. Они потеряли добычу из виду.

«Ребята, такое случается, – подумал Герман. – Я понимаю, что вдвоем стоять было веселее, но следить нужно поодиночке. Подсказывать вам, куда подевалась жена босса, я не стану, не заслужили. У каждого своя работа, свой способ зарабатывать деньги».

Богатырев осторожно отцепил бэдж, спрятал его в карман пиджака и вышел на улицу.

«Второй кабинет справа от лестничного марша», – припомнил он и быстрым шагом двинулся вдоль дома, свернув в переулок.

– У нас мало времени, – шептала Станислава, обнимая Николая. В глазах мужчины не было особого огня, не любовь, а похоть свела их вместе.

Станислава даже не стала снимать шубу, прямо в ней опустилась на диван со скользкой шелковой обивкой, забросила на сиденье ноги. Николай подошел к двери, прислушался. Не услышав шагов, улыбнулся, вернулся к любовнице.

– Секс – это всего лишь пара суетливых движений, – закатив глаза, манерно произнесла женщина.

– Будь у нас немного больше времени, – многообещающе произнес Николай, – мы бы развлеклись по полной программе.

– Муж не дает мне свободы, – шептала Станислава, – вечно приставляет охранников следить за мной. Прямо наваждение какое-то! – продолжая разговаривать, манекенщица высвободилась из белья. – Ты даже не можешь себе представить, как он скучен.

– В постели? – поинтересовался мужчина.

– В постели тоже. Он изобретателен и даже гениален в бизнесе, но в постели никогда не думает обо мне, главное для него удовлетвориться самому.

– Это ужасно, – прошептал Николай, покусывая мочку уха женщины.

– Когда я говорю, что не успела, – вздыхала Станислава, – он отвечает, что это мои проблемы.

– Ужасно, – подтвердил Николай, укладываясь на манекенщицу.

Как многие красивые худые женщины, Станислава была довольно холодна. Именно поэтому ей нравилось играть в страсть. Вздохи ее были притворными, губы, бывшие холодными в начале поцелуя, оставались такими же холодными и в конце. Она не занималась любовью, она мстила мужу, но не за то, что он плохо обходился с нею, она мстила за то, что позволила ему себя купить.

– Тише, – произнес Николай, когда Станислава принялась не в меру громко стонать, – дверь в кабинете не такая толстая, чтобы погасить звуки.

– Мне тяжело сдержаться, но если ты просишь... – и стоны возобновились.

Глава 6

Два охранника медленно двигались по коридору, они проходили его уже четвертый раз от холла до туалета и обратно. Расслышать что-нибудь конкретное им мешал шум со стороны журналистов, собравшихся по другую сторону холла.

Наконец один из охранников замер у второй от холла двери и поднял вверх указательный палец. Второй приблизился, опустился на корточки и приложил ладонь к уху.

– Блин, они уже на полном ходу, мы их упустили! – прошептал стоявший у двери охранник.

– Снова упустили, – напомнил сидевший на корточках. – Теперь уж ничего не поделаешь. Двое мужчин вышли в холл.

– Что делать станем?

– Если промолчим во второй раз, хозяин нас может вычислить. Или, того хуже, подумает, будто мы со Станиславой спелись, деньги от нее получаем.

– Придется сказать. Не хотелось бы, баба больно красивая, хоть и сука.

– Ты про жену хозяина осторожней выражайся, она сукой не может быть по определению, – сказавший это охранник лениво вытащил из кармана сотовый телефон и набрал номер. – Виктор Николаевич, мы ничего не могли сделать, она с ним.

– Да, по полной программе, – во время разговора гнусная улыбка плавала на лице охранника. Но внезапно она исчезла, словно ее сдуло ветром.

– Да, хорошо.

– Нет, я не вздыхал, это вам показалось, – охранник посмотрел на трубку, словно та была его первейшим врагом. – Лучше бы нам промолчать...

– Неужели? – выдохнул второй охранник.

– Именно.

– По-другому не получится?

– Нет, сказал абсолютно четко, открытым текстом.

И мужчины вышли на улицу.

Богатыреву, чтобы попасть во двор дома, где располагался театр моды, пришлось обойти целый квартал, лишь тогда он отыскал арку. Миновав кирпичные сараи, детскую площадку, небольшой внутриворотовой скверик, Герман остановился у кирпичной стены дома. Выглядела стена довольно странно: старый неоштукатуренный кирпич, покрытый пылью и гарью всех судьбоносных для страны времен, и новомодные деревянные рамы со стеклопакетами безо всяких переплетов с идеально отполированным стеклом.

«Французское стекло в шведских рамах, но ставили его русские умельцы», – машинально отметил Богатырев и принялся высчитывать, за которым из окон скрывается нужный ему кабинет.

Он на четвереньках подобрался к стене и, уцепившись за жестяной подоконник, заглянул в комнату. Увидел письменный стол, включенный компьютер и мужчину – со спины. По огромной лысине тут же определил, что перед ним не Николай. Пригнувшись, Герман перебрался к следующему окну. Планки жалюзи плотно закрывали стекла, но оставалась щель у самого края рамы.

Богатырев припал к полированному стеклу, расплющив о него потный нос. Стеклопакет поглощал все звуки, но, к счастью для помощника Сереброва, строители дома пожадничали и сэкономили на зеркальном стекле – картинка впечатляла.

«Ух ты, – выдохнул Герман, – скоро у них дело делается, быстрее, чем сказка сказывается. Не успел я дом обойти, как они уже раскочегарились, словно паровоз на Транссибирской магистрали».

Балансируя на бетонном бордюре, окружавшем окно в подвальном этаже, Богатырев пристроил видеокамеру к самому углу окна и плавно нажал спуск.

«Компромат на влиятельных людей и на их родственников никогда лишним не бывает. Если Сереброву не пригодится, я сам найду способ продать его любовнику жены бизнесмена. Ребята за ним ходят крутые, а значит, ему есть кого опасаться».

Судя по всему, любовное развлечение подходило к концу, Богатырев же был здравомыслящим человеком, а не почитателем любительского порно. Поэтому он и оказался у двери театра моды раньше, чем оттуда появился Николай. Качок вышел на улицу с непроницаемым лицом.

«Неужели он даже удовольствия не получил? – изумился в душе Богатырев. – Нестерова – баба видная, да и старалась она на славу».

Николай забрался в безобразный старый «Мерседес». Безбожно задымила выхлопная труба.

«Придется проследить, куда ты поедешь», – решил Герман.

Измена мужу как компромат, как способ шантажа вполне подходит, но Серебров любил относительно честную игру – без принуждения, с женщинами она давала лучшие результаты.

«Сердце Станиславы уже занято любовником, – думал Герман, трогаясь с места. – Это еще хуже, чем верная жена, – он привык за последние годы пытаться размышлять вместо Сереброва, ставить себя на его место. – Нервный парень, – глядя на беспорядочно мечущийся из ряда в ряд «Мерседес», цедил сквозь зубы Герман. Он еле поспевал за автомобилем Николая на своей «Волге». – Еще три квартала за тобой проеду, но, если ты живешь в пригороде, плюну на тебя, вернусь. Мне еще предстоит обследовать двух женщин».

Сердце Германа радостно забилося, когда он увидел, как «Мерседес» подруливает к тротуару.

«Небось и гнездо у него где-то близко».

Герман не был профессионалом по слежке. Поэтому и ехал следом за «Мерседесом». Настоящие же профессионалы никогда не позволят себе выдать истинные намерения тем, что будут тащиться сзади машины, они вырвутся вперед.

Герман тоже притормозил, остановился метрах в ста пятидесяти от «Мерседеса». Не успел Николай вылезти из-за руля, как появились двое охранников, следившие за ним еще в театре мод и ехавшие всю дорогу перед ним на «Пассате». В руках одного из охранников оказалась свернутая в трубочку газета, а внутри газеты – обрезок арматурной стали.

Николай получил удар в голову и завалился на переднее сиденье. Охранники ловко перетащили его на заднее. Они делали это, абсолютно не таясь, на глазах у прохожих. Никто даже не обратил внимания на происходящее.

У Германа холод пробежал по спине. Он не думал, что среди бела дня в центре города можно безнаказанно оглушить человека, забросить его на заднее сиденье и завладеть чужой машиной.

«Эй, а менты куда смотрят?» – Герман огляделся.

В поле зрения оказался всего один милиционер, он стоял на троллейбусной остановке и задумчиво курил. Охранник Нестерова ударил Николая ловко, даже капли крови на голове не выступило. Оба охранника уселись в машину Николая и влились на ней в поток других автомобилей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.